

Современная
психотерапия

Урсула Виртц

Убийство души

Инцест и терапия

COGITO
CENTRE
NT

Урсула Виртц
Убийство души. Инцест и терапия
Серия «Современная психотерапия (Когито-Центр)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9364259
Убийство души: Инцест и терапия: Когито-Центр; Москва; 2014
ISBN 978-3-7831-2633-4, 978-5-89353-421-4

Аннотация

Автор исследует различные возможности терапии людей, переживших инцест, и ставит острый вопрос, почему столь часто жертвы инцеста снова оказываются в условиях эксплуатации со стороны их психотерапевтов. В психотерапии жертв инцеста речь идет о поиске омертвевшей души и истинного Я. Урсула Виртц показывает, каким образом женщины, которыми злоупотребляют, могут найти выход из состояния душевного оцепенения и заново интегрировать свои чувства и тело. Она затрагивает духовную составляющую этой темы, задаваясь вопросом о смысле и о возможности процесса восстановления после такой тяжелой травмы.

Содержание

Благодарности	5
Предисловие	6
I. В колее инцеста	9
1. Инцест и убийство души	9
2. Тема инцеста у Фрейда и Юнга	21
3. Инцест в мифах и сказках	30
4. Инцест как травма	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Урсула Виртц

Убийство души: Инцест и терапия

* * *

© Ursula Wirtz, 2005
© Когито-Центр, 2014

Благодарности

Многие женщины внесли свой вклад в написание этой книги. Я хочу поблагодарить тех, кто был со мной в терапии, и тех, кто участвовал в опросах. Женщины из групп самопомощи отвечали на анкеты и неоднократно давали мне ценную обратную связь после моих лекций и докладов. Это сотрудничество оказалось очень плодотворным для углубления темы и всегда поддерживало меня в трудную минуту сомнений.

Я очень многое узнала из американской профессиональной литературы, многому научилась у своих коллег, работающих в терапевтических центрах, которые я посетила в США. Я благодарю Марию-Франс Минтон из Центра по работе с последствиями сексуального насилия в Харбор-вью, Сиэтл, Вашингтон, которая нашла время вникнуть в мою работу и снабдила меня множеством текстов и брошюр по этой теме. Я благодарна Кэрол Бриант, директора Совета по профилактике насилия над детьми в графстве Контра Коста, Калифорния, неопубликованная диссертация которой существенно расширила мое понимание проблемы инцеста. Также я очень благодарна Джудит Л. Герман, которая работает в госпитале Кембридж-сити, Массачусетс, за то, что она поделилась со мной результатами новейших в то время исследований по злоупотреблениям детьми и по пограничным личностным расстройствам.

Также я хочу выразить благодарность женщинам из Кембриджского женского центра, которые информировали меня об особенностях модели консультирования и просвещения, разработанной консультационным пунктом «Инцест-ресурсы», которую мы немедленно стали применять в Цюрихе. Я благодарю Элен Вестерлунд, сотрудника этой организации, которая поддержала меня при написании книги, предоставив данные своей диссертации по теме инцеста и сексуальности.

Я благодарна женщинам из организации «Пэрентс Юнайтед Чаптер», графство Монмут, Нью-Джерси, за то, что они позволили мне присутствовать на совещании сотрудников и на групповой психотерапевтической встрече преступников, так что я смогла составить реалистичное представление о трудностях терапевтической работы с преступниками.

От всего сердца я говорю «спасибо» моим подругам Герде, Барбаре и Гизеле, с которыми я много раз обсуждала свои идеи, и Элси Амман, чей тихий дом на Луганском озере вдохновлял меня, и я написала там часть рукописи.

Я хочу выразить особую благодарность своему спутнику жизни, Йоргу Цобели, любящее присутствие которого помогало мне справиться с трудными и сильными чувствами, возникавшими у меня в связи с работой над темой инцеста. Он помогал мне помнить о жизни и любви. Его готовность критически отнестись к этому тексту и идеям очень поддерживала меня.

Предисловие

Много лет минуло с той пасхальной пятницы 1989 г., когда я писала предисловие к этой книге, ставшей учебником по терапевтической работе и источником надежды для пострадавших.

Тема сексуального насилия в контексте семьи и общества сегодня актуальна как никогда. Массовые изнасилования на войне как ритуалы завоевания и инструмент утверждения господства над побежденными людьми больше не являются запретной темой для обсуждения. И все же, несмотря на освещенность в средствах массовой информации этой темы, многие профессионалы испытывают очень большие трудности при работе с травмированными людьми.

Потребность в психотерапии и консультировании с учетом специфики травмы заметно увеличилась в последние десять лет. Психотравматология давно стала отдельной областью исследований, появилось множество публикаций, научных профессиональных сообществ. Существует высокий спрос на обучение и повышение квалификации специалистов в области травматологии.

В этой книге представлен терапевтический подход, который за многие годы моей практики хорошо себя зарекомендовал и был дополнен в ходе работы с травматическими переживаниями, а также рассмотрен в контексте темы войны и пыток. Мой взгляд на терапию травмы связан с целостным образом человека и мира, поскольку человек является не только биопсихосоциальным существом. Я учитываю влияние духовного измерения человеческого бытия. Одностороннее видение травмы как дефицита я дополняю перспективой, направленной в будущее, а также описываю потенциал травматического опыта, изменяющий сознание человека. В ходе многолетних исследований этой темы мне стало ясно, что при травматическом потрясении могут одновременно конstellлироваться все те аспекты одухотворенного мировоззрения, которые в обычной жизни мы учимся понимать очень медленно.

Также небыстро все происходит и при терапевтическом сопровождении: сначала речь всегда идет о стабилизации, преодолении дистресса, создании чувства безопасности и доверия как основы для совместной работы. Для этого имеются много ресурс-ориентированных методов, усиливающих чувство защищенности и мышечное расслабление, успокаивающих дыхание и имажинативно отдаляющих человека от травмировавшего события.

Вторая фаза терапии состоит, прежде всего, в сознательных встречах с многократными воспоминаниями о травме. Пока правда о прошлых травмах вытеснена и отрицается, настоящее не может быть прожито, а будущее спланировано, поэтому особое внимание в научных исследованиях травмы уделяется теме воспоминаний. Исследования мозга показали, как и где сохраняется травматический опыт, как возникают и происходят пугающие вторжения воспоминаний о травме – «флэшбэки», какую роль играют триггеры, моментально оживляющие и запускающие заново травмирующие ситуации. Были разработаны холистические методы, нацеленные на воссоединение фрагментов воспоминаний, на ослабление процессов расщепления и защитного поведения. Лишь в конце 1990-х годов в немецкоязычных странах стали проводить научные исследования диссоциации в диапазоне от отщепления психических функций, например способности помнить, до полного отсоединения сознания от ощущения личностной идентичности. Уже неоднократно переживания сексуально эксплуатируемых женщин были впечатляюще описаны как опыт бытия «множественной» личности, но научное обсуждение диссоциативного расстройства идентичности как процесса саморегуляции при травматическом опыте является относительно новым. Кроме того, с целью предотвращения ретравматизации после ошибочных интервенций терапевтов были разработаны

техники терапевтической работы с разнообразными диссоциативными состояниями сексуально эксплуатируемых людей.

В третьей фазе терапии речь идет о размышлении над новой, осмысленной жизнью, об обнаружении творческих возможностей в своей жизни, об изменении мировоззрения и углублении его духовного аспекта. В работу на этом этапе терапии исследования травмы также внесли существенный вклад наблюдения за процессами, восстанавливающими здоровье и «эластичность» личности, а исследования посттравматического роста (PTG, posttraumatic growth) обогатили наши знания об адаптационных способностях человека и о том, что именно в нашем искусстве жить и в житейской мудрости досталось нам в наследство.

Важным аспектом моей работы в качестве юнгианского аналитика является амплификация старых как мир человеческих тем жизни и смерти, разрушения и созидания, разделения и воссоединения. Я попыталась определить архетипические паттерны, с помощью которых символические системы человечества образно выражали эти древние проблемы жизни и смерти, разрушения и исцеления. Мои представления о терапии травмы сотканы не только из «нитей» мифа и сказки, мистики и алхимии, исследований мозга и нейробиологии, но и из опыта буддистских инсайтов.

Травмированным людям нужна перспектива, знание того, что нечто имеет смысл, что хорошее может быть восстановлено, как учат нас мудрые сказки, мифы и духовные традиции. Преображающая сила символического образа, художественное самовыражение, регулирования самоуважения, знание того, что образ проникает глубже слова и что формирование образа означает коммуникативный прорыв, привело меня ко все более широкому применению в терапии травмы методов рецептивной арт-терапии. Картины Иеронима Босха, Гойи, Пикассо, Базелица, Мунка, Кати Кольвиц, Луизы Буржуа и Фриды Кало очень помогают в процессе символической переработки расчленения, раздробленности, насилия и психического фрагментирования.

Терапия травмы – вызов моей собственной терапевтической креативности. Вместе с моими пациентками и пациентами я училась работе с образами, при которой сила фантазии проникает в будущее, а в художественном самовыражении, игре и «сновидениях наяву» проявляются жизнеутверждающие внутренние ценности. Мы вместе развивали символическую установку сознания, которая в ходе поиска смысла и своей системы ценностей открывала доступ к бессознательным творческим возможностям развития, а также поддерживала процесс становления сознания.

Терапия травмы – это длительный процесс восстановления творческих возможностей после полного разрушения способности символизировать, когда человек снова может жить, «со-образуясь» с этим миром и своим отношением к нему.

Терапия травмы – это путь из ада, переписывание собственной истории, в которой больше нет ничего из того, что было до нее. Если мы поощряем наших пациенток рассказывать свою историю, чтобы выстроить осмысленное повествование о своей биографии, то терапия травмы становится заботой и сопровождением на пути обратно в жизнь. Тогда может быть преодолен ригидный и закрытый внутренний мир травмы и возвращена открытость психической системы. Терапия травмы способствует возвращению в жизнь изменчивого диалектического процесса «Умри и стань!».

В этой работе меня ориентировало высказывание Юнга: «Эффект, которого я хочу достичь, – это создание такого душевного состояния, при котором мой пациент начинает экспериментировать со своим характером, когда больше нет ничего данного навеки, нет прежнего безнадежного окаменения, то есть создание состояния текучести, изменчивости и становления» (GW 16, par. 99).

И теперь, 16 лет спустя после первой публикации этой книги, я остаюсь верна фундаментальной идее «Умри и стань!».

Урсула Виртц

Май 2005 г.

I. В колее инцеста

За каждой правдой следует скандал.
Маргерит Юрсенар

1. Инцест и убийство души

От права первой ночи к серийному преступлению

Тема инцеста больше не является табу. Если мы окинем взглядом прессу, то повсюду столкнемся с заголовками типа: «Злоупотребление детьми – отцы-преступники», «Крово-смешение», «Семья – место преступления», «Инцест – абсурдное преступление идиота». Молчание о «тайном злодеянии» инцеста отменяется. Наконец-то мы стали обращать внимание на предательски используемых, эксплуатируемых детей.

В Швейцарии Алиса Миллер была первой среди тех, кто стал «адвокатом» эксплуатируемых детей. На международном уровне в 1985 г. в Берне конгресс ВОЗ «Дети, которых бьют и насилуют» был посвящен проблеме сексуального насилия над детьми. В 1987 и 1988 гг. в Цюрихе прошли международные конференции, посвященные инцесту и его последствиям. Эта тема звучала и на швейцарском политическом уровне. В 1987 г. госсекретарь Джудит Штамм и более чем 60 депутатов Федерального собрания поручили исследовать и доложить в парламенте текущую ситуацию в Швейцарии по видам, количеству и причинам преступлений против детей. В настоящее время в Цюрихе разрабатывается проект консультационного центра по проблемам сексуального насилия над детьми.

В 1988 г. в Австрии по поручению Федерального министерства по делам семьи, молодежи и защиты прав потребителей была издана брошюра по противостоянию сексуальному насилию в отношении детей. Ранее, в 1983 г., в Инсбруке было основано Общество против жестокого обращения с детьми.

В Германии прежде всего необходимо отметить работу группы «Бурный поток», которая в 1983 г. впервые обратилась к публике с целью довести до ее сведения ситуацию с сексуальным насилием над детьми. «Бурный поток» является консультативно-информационной организацией, при которой работают группы самопомощи в 30 городах ФРГ.

Рассматривая инцест в рамках сексуального насилия над детьми, необходимо помнить, что инцест является формой жестокого обращения. Снятие табу с темы сексуального насилия в семье сделало эту тему модной в СМИ, но еще много вопросов остаются открытыми. Что такое инцест? Инцест – это кровосмешение или изнасилование? Является ли инцестом сексуальная эксплуатация, осуществляемая врачом, учителем и психотерапевтом?

Для понимания этого термина полезно обратить внимание на происхождение самого слова. Слово «инцест» происходит от латинского *castus* (чистый, непорочный) и *incestus* (нечистый, порочный, недостойный). Глагол *incestare* имеет значение «запятнать, загрязнять, насиловать». Латинское значение слова фокусируется вокруг морального нарушения в значении «опорочить», вокруг чего-то неприличного. Это создает впечатление, что инцест – это нечто грязное.

Словарь немецкого языка¹ объясняет инцест через понятие кровосмешения, то есть это «половые отношения между кровными родственниками, между родственниками супругов по восходящей и нисходящей линии, между братьями и сестрами». В этом определении акцент сделан на том, что имеет значение в юридической практике, то есть зачатие детей кровными родственниками является тяжким преступлением. Всем нам известно, что в нашей культуре факт кровного родства делает половую любовь кровосмешением. Идея насилия или сексуальной эксплуатации в этом определении не подразумевается, оно указывает лишь на нарушение общепринятого табу на инцест.

Еще один аспект немецкого слова «кровосмешение» – «стыд» указывает на чувства, присущие внутренним переживаниям жертв инцеста. Со словом «стыд» соотносятся слова «позорить», «запятнать», «портить», «осквернять». В индоевропейских языках слово «позор» связано со словами «стыдиться», «скрывать», «прятать».

Этими словами описывают чувства людей, которые подверглись сексуальному насилию. Они указывают, что жертвам должно быть стыдно за то, что они пережили инцест, то есть нечто предосудительное, бесчестное, оскорбляющее, позорное. Таким образом, с инцестом связаны стыд и позор, молчание и утаивание, нечистота и запятнанность, вина и изоляция.

По-моему, слово «кровосмешение» подходит только для характеристики эмоционального содержания ситуации. Однако оно не описывает то, в чем, по сути, заключается проблема инцеста. Уже во времена французской революции появляются определения преступления кровосмешения в связи с «ограничением свободы и жестоким обращением с человеком». Например, в баварском уголовном кодексе 1813 г. понятие «инцест» означает, что родители и другие кровные родственники, «которые переспали со своими детьми или другими отпрысками или использовали их ради своего сладострастия... будут лишены всех общественных чинов и должностей, а также родительских прав... и, более того, будут наказаны каторгой от двух до шести лет...». Надо подчеркнуть, что неправильно и лицемерно говорить о сексуальном насилии со стороны родителей, ведь подавляющее большинство таких преступников – мужчины.

Кроме того, подлежали наказанию также мачехи и отчимы, опекуны, учителя и воспитатели, которые «сексуально злоупотребляли» теми, кто находится в их власти. Этот подлинно прогрессивный подход, однако, не был принят как закон в прусском уголовном кодексе, основном для современного германского законодательства².

Сегодня против общепринятого понимания инцеста и кровосмешения говорит то, что в нем сделан акцент на безнравственности и сексуальности, а не на очевидном злоупотреблении властью, на манипулировании и использовании зависимого положения жертвы.

В этой книге речь не идет о сексуальном контакте между взрослыми кровными родственниками – членами нуклеарной семьи. Я пишу об инцесте как о сексуализированном насилии, о ритуале «контроля и подчинения». Инцест – это злоупотребление в отношениях с теми, кто зависим, а не в кровных отношениях, и в этом смысле он является видом изощренного насилия и истязания детей. В литературе на эту тему укоренился термин «сексуальное злоупотребление», вроде бы верный, но «злоупотребление» в разговорном языке неявно подразумевает, что существует некое «законное» использование детей или женщин. Более однозначным является термин «сексуальная эксплуатация», указывающий на властный компонент и на сопутствующее ему подавление. В этой книге я использую оба термина как синонимы.

¹ *Wahrig G. Das Große Deutsche Wörterbuch. Gütersloh, 1966.*

² Ср. выводы, сделанные авторами исследования: *Hartwig L., Kuhlmann C. Sexueller Missbrauch an Töchtern – der verschwiegene Aspekt der Gewalt in der Familie // Neue Praxis. 1987. 5.*

Важно иметь в виду, что тема инцеста имеет политический аспект, так как в центре внимания оказывается разоблачение структур общества, которые санкционируют и поддерживают сексуальную эксплуатацию. Речь идет о неравных отношениях «сильных» и «слабых» мира сего, о позиции силы и механизмах подчинения и подавления.

Многочисленные определения инцеста различаются в зависимости от подхода исследователей. Здесь я хотела бы привести несколько примеров:

В 1962 г. американским педиатром Кемпе был описан синдром «побитого ребенка» и дано определение сексуального насилия как вовлечения в действия сексуального характера зависимых, еще не зрелых в своем развитии детей и подростков, которые еще не способны полностью понимать, с чем они имеют дело, и не могут дать сознательное согласие на это или не могут нарушить социальные и семейные ролевые предписания.

В соответствии с этим определением легальность таких «отношений» зависит от согласия обоих партнеров. Однако фундаментальная асимметрия отношений детей и взрослых означает, что ребенок не может быть согласен ни на какие сексуальные отношения со взрослыми³.

³ Ср. обсуждение «информированного согласия»: *Finkelhor D. Child Sexual Abuse. New Theory and Research*. New York, 1984.

Нищета, проклятие, тьма, мельтешение, черная кишащая жижа, отец, сатана, тьма, потерянность, пропасть, танк, бесконечная тюрьма, осквернение, осквернение, неопишное, невыразимое ощущение мельтешения в моем теле. Где начало, где конец, ничего не чувствовать, жить, как будто ничего не произошло, безмолвно, беспомощно. Кто захочет это знать, никто не слышит сообщение. Он должен на меня лечь, исчадие сатаны, во мне вопит осквернение, использована, оболгана, обгажена, пропитана вонью, размазана. Он завладеет моим телом. Я ничего не могу сделать, он владеет моим телом, я отдаю мое тело, мой единственный шанс, оболганное, оскверненное, изнасилованное. Отходы, отбросы, разрушено, опорочено, выхолощено.

В США Национальный центр по противодействию жестокому обращению с детьми определяет инцест как «внутрисемейное сексуальное насилие над ребенком, совершаемое членом его семьи. Инцест включает не только половой акт, но и любое действие, связанное с намерением сексуально стимулировать ребенка или использовать ребенка для сексуального возбуждения самого преступника или других лиц». Это определение может вызвать возражение: оно как бы укрывает виновного, создавая впечатление, что любой член семьи предрасположен к сексуальной эксплуатации.

Сюзанна Сгроу расширяет определение инцеста, делая акцент на очень важном аспекте замалчивания.

«Сексуальная эксплуатация детей взрослыми или более старшими подростками – это сексуальное поведение взрослого по отношению к ребенку, который из-за своего эмоционального и интеллектуального развития не в состоянии понимать информацию об этом и свободно согласиться на это. При этом взрослый использует неравные отношения между взрослыми и детьми, а также свою власть, чтобы убедить и принудить ребенка к соучастию. При этом очень важно то, что взрослый обязывает ребенка хранить тайну, что обрекает ребенка на безмолвие, незащитность и беспомощность»⁴.

Инцест как изнасилование

В своей книге «Инцест отцов и дочерей» Джудит Герман резко и с явно феминистской точки зрения называет внутрисемейный инцест изнасилованием, так как это принудительные сексуальные отношения даже при отсутствии физического насилия⁵. Другие феминистские авторы – Сьюзен Браунмиллер и Эмма Вард⁶ – вообще протестуют против слова «инцест» и выступают за использование выражения «изнасилование дочери отцом», потому что только оно адекватно отражает всю серьезность ситуации.

Еще одна причина, по которой продолжается поиск понятия, альтернативного слову «инцест», – то, что мы привыкли одновременно думать и про инцест, и про табу на инцест, и у нас возникает представление, что речь идет о довольно редком поведении.

С нефеминистской позиции подчеркивалось, что общий термин «изнасилование» не охватывает любые инцестуозные действия и что отличие изнасилования от инцеста якобы размывается и остается неясным. Инцест, скорее, относят к действиям, повторяющимся в течение длительного времени. Кроме того, сексуальные инцестуозные посяательства нередко изменчивы; как правило, они явные и насильственные, но поначалу могут быть замаскированы нежностью или разговорами о сексуальной инициации. Нередко будто бы отсутствует момент принуждения или физической угрозы, что в случае изнасилования является основным. Последний аргумент не выдерживает никакой критики, так как взрослый всегда может со своей позиции силы подчинить своей воле ребенка, даже без применения физической силы. Напротив, из рассказов пострадавших хорошо известно, как часто физическое насилие и угрозы играют свою роль.

Если же в целом мы понимаем под изнасилованием нападение на тело и душу женщины или девушки, которое сопровождается демонстрацией силы, то инцест может быть понят как изнасилование. Это сравнение также подтверждается тем, что мифы об изнасилованиях поразительным образом совпадают с мифами об инцесте. Во-первых, необходимо расстаться с ложной идеей о том, что изнасилование – это, в первую очередь, половой акт. Инцест мотивирован не сексуально, а прежде всего стремлением подчинить. Также

⁴ Sgroi S. M. (Ed.). Handbook of Clinical Intervention in Child Sexual Abuse. Lexington, 1982.

⁵ Herman J. Father – Daughter Incest. Harvard, 1981. P. 27.

⁶ Brownmiller S. Gegen unseren Willen. Frankfurt, 1980; Ward E. Father – Daughter Rape. London, 1984.

распространено представление, что женщины бессознательно провоцируют изнасилование, потому что ходят ночью в вызывающей одежде в безлюдных местах или как-то иначе ведут себя явно соблазнительным образом. Мы сразу же вспоминаем расхожее мнение, что юная Лолита сама соблазняет своего отца на инцест.

С этим тесно связано и представление, что в глубине души женщина хочет быть изнасилованной, потому что мужчины активно настаивают на том, что только ту женщину действительно изнасиловуют, которая к этому готова. Также при инцесте приводят такой аргумент, что девушка не защищалась до конца.

К мифотворчеству в отношении изнасилования также относится идея, что женщин насиловуют только посторонние мужчины.

Конечно, детей предупреждают не брать конфет у злого чужака, который может их схватить и утащить в кусты. Но реальность такова, что дети особенно уязвимы перед знакомыми мужчинами – членами семьи, соседями и друзьями отца.

К сожалению, все еще очень популярен миф, что женщины выдумывают истории об изнасиловании, чтобы отомстить мужчинам. Подобным образом подвергаются сомнению достоверность сообщений девочек, которые осмеливаются говорить о сексуальном насилии в семье.

Мне кажется особенно важным, чтобы вы – те, кто имеет дело с темой инцеста – задались вопросом, насколько сильно вы сами подвержены влиянию этих мифов. В противном случае бывает так, что вы бессознательно захвачены мифами, а ваши клиенты остаются с чувством своей вины, так как не возникает вашей подлинной эмпатии и настоящего понимания.

В своем эссе о социально-педагогических теориях Луиза Хартвиг и Карола Кульман определяют сексуальное насилие в соответствии с первой немецкой книгой по этой теме («Отцы как преступники»). Инцест – это «состояние, в котором мужчины полностью распоряжаются девушками и принижают их до уровня сексуального объекта/предмета, вместо того чтобы видеть в ней человека, интересного и важного... Насилием становится любое посягательство на девушку, независимо от того, идет ли речь о тайных и осторожных прикосновениях, которые она должна позволить или сама сделать, о принудительном оральном сексе или об изнасиловании»⁷.

В заключение я хотела бы упомянуть еще одно очень конкретное определение инцеста, сформулированное женским терапевтом Евой Хильдебранд:

«Инцест происходит, когда доминирующий член семьи пытается через сексуализацию удовлетворить какую-то свою потребность (например, стремление к власти, потребность в физическом контакте, в признании) за счет других членов семьи, находящихся в более уязвимом положении. Сексуализацией здесь может быть все, что угодно – начиная с ласки, поцелуя, повторяющихся словесных замечаний о груди или других частях тела вплоть до орального, анального или генитального полового акта и мастурбации с жертвой или в ее присутствии»⁸.

Я надеюсь, что из этих определений уже стало совершенно ясно, что инцест связан с предательством, с обманом доверия со стороны людей, от которых ребенок наиболее сильно эмоционально зависит. Там, где ребенок по праву ожидает получить тепло, заботу и защиту, его эксплуатируют. Это означает, что насилие в семье и в ее ближайшем окружении (друзья, сожители, соседи) – травмирует жертву особенно тяжело.

⁷ Hartwig, Kuhlmann. S. 442.

⁸ Hildebrand E. Therapie erwachsener weiblicher Inzestopfer // L. Backe (Hrsg.). Sexueller Missbrauch von Kindern in Familien. Köln, 1986.

Инцест – убийство души

После обсуждения различных вариантов и попыток дать определение инцесту я хочу подчеркнуть одно из них, которое меня особенно затронуло, так как оно более глубокое и попадает в самую сердцевину переживания инцеста. Я имею в виду выражение «убийство души». Оно тут же заставляет нас думать о тяжком преступлении и, как показывает Шенгольд в своем выдающемся эссе на эту тему⁹, содержит в себе и аспект морального протеста. Убийство души имеет дело с бесчеловечностью, с уничтожением того, что является сутью человека, с посягательством на человеческое достоинство и личную идентичность. Мы обнаруживаем выражение «убийство души», когда говорят о Холокосте. Убийство души такого рода я рассматриваю в отдельной главе этой книги. Убийство души всегда связано с властью, с желанием уничтожить и разрушить личность.

Я столкнулась с «убийством души» в начале моих исследований того, какое значение имеет отец для психического развития ребенка, и стала лучше понимать случай Шребера. Пауль Даниэль Шребер – часто упоминаемый классический случай паранойи. Его отец был педагогом, который превратил изощренную систему образования в совершенную систему подавления и опробовал ее на своем сыне. Ее целью было абсолютное послушание отцу, средством достижения этой цели – подавление и запугивание. В своих записях психологический эффект этих авторитарных и репрессивных воспитательных мер сын назвал «убийством души». Однако сын был не в состоянии обнаружить связь между своим отцом и тем человеком, на чьей совести было это убийство его души; скорее, он подозревает врача или даже Бога, что они совершили это преступление. В своей весьма неоднозначной книге «Страх перед отцом» Мортон Шатцман делает замечание, которое тут же заставило меня подумать об инцесте.

«Если бы он отодвинул еще одну завесу в сторону, то смог бы, я думаю, догадаться, что его отец – главный зачинщик происходящего. Если бы он это сделал, то он бы меньше подвергался той опасности, что его объявят умалишенным... Видимо, признаком убийства души является то, что жертве запрещено знать, кто на самом деле ее убивает»¹⁰.

В своей работе с женщинами, которые в детстве были сексуально изнасилованы отцом, я часто сталкивалась с тем, что так называемые сумасшедшие, которых ранее объявляли «истеричными», а сегодня у них диагностируют «пограничный синдром», доведены до такого состояния травмой насилия, убийством души. Раньше говорили о плохом прогнозе в таких случаях, что было связано, прежде всего, с тем, что убийство души не распознавали, и поэтому оно не поддавалось терапии. Точно так же как Шребер, женщины не могли идентифицировать, что преступники – их отцы. Об этой проблеме я подробнее расскажу ниже.

Увязывая инцест с убийством души, я хочу сказать, что такое тотальное нападение на человечность приводит к тому, что ребенок больше не может думать и чувствовать, как другие дети, все его поведение приобретает иной оттенок. Его идентичность нарушена в самой ее сердцевине, и в том числе его сексуальная идентичность. И тогда становится намного понятнее то, что многие взрослые женщины не прощают своих мучителей. Они исходят из того, что невозможно простить человека, который умертвил их душу и украл всякую надежду на жизнь и любовь.

В этой книге я рассматриваю инцест, в первую очередь обращая внимание на убийства души внутри семьи, особенно на сексуальную эксплуатацию дочери отцом или отчимом.

⁹ Shengold L. Child Abuse and Deprivation. Soul Murder // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1979. 27. P. 533–559.

¹⁰ Schatzman M. Die Angst vor dem Vater. Reinbek, 1978. S. 39.

Этот вид инцеста лучше всего задокументирован в исследованиях и чаще всего встречался в моей практике. Конечно, существует также инцест матери и сына, но количественно и качественно он иной. Поразительно то, что сексуально изнасилованные юноши позже становятся мужчинами, которые сами насилуют, в то время как сексуально изнасилованные женщины выбирают мужчин, которые снова насилуют их. Они остаются жертвами, в то время как юноши становятся преступниками.

В ходе моих научных исследований в США у меня также была возможность встретиться лицом к лицу с темой изнасилования мальчиков мужчинами. В основном мальчиков сексуально эксплуатировали люди, не входящие в их ближайшее социальное окружение.

Кроме того, я буду говорить об инцесте в широком смысле слова, когда злоупотребление происходит в условиях зависимых и доверительных отношений жертвы с преступником. Речь идет о нянях, воспитателях, учителях, священниках, врачах и, в первую очередь, о психотерапевтах. Сексуальное насилие в психотерапии является темой, пока совершенно запретной для обсуждения и требующей большой прозрачности.

Даты и факты

Исследования темы инцеста часто критикуют из-за методологических недостатков и неполной статистической достоверности. Считается, что они похожи на тест Роршаха и больше сообщают о личной предвзятости исследователей, чем о предмете исследования. Но я считаю важным знать некоторые статистические данные. Приведу цифры, которые принимаются большинством исследователей как достоверные.

Частота сексуальной эксплуатации детей

Швейцария:

40000–45000 детей ежегодно (данные Агентства информации о детях – kinag)

В 1986 г. уголовных дел по насильственным действиям сексуального характера в отношении детей – 1603.

В 1986 г. осуждено 399 чел., из них в 385 случаях преступник – мужчина.

Специальной статистики по инцестам не существует.

Австрия:

10000–25000 детей ежегодно.

Германия:

По данным полицейской криминальной статистики (1986), 92 % сексуально эксплуатируемых детей находятся в возрасте от 6 до 14 лет, 8 % – в возрасте от 0 до 6 лет.

Около 300000 изнасилованных детей в год. Оценки числа незарегистрированных преступлений варьируются: Федеральная криминальная полиция – 1:15; Баурманн – 1:18; Кавеманн и Лостетер – 1:20.

На одного эксплуатируемого мальчика приходится десять изнасилованных девочек. В статьях (Эмма, 1985) утверждается, что каждая четвертая или даже каждая вторая женщина хотя бы однажды сталкивалась в своей жизни с сексуальной эксплуатацией.

Преступники. По информации германского федерального правительства, в 93 % случаев преступник знаком ребенку. Две трети преступников относятся к семейному кругу или ближайшему окружению семьи. Соотношение мужчин-преступников и женщин-преступниц 9:1.

Обнаруживается только каждый 18–20-й случай эксплуатации. Лишь каждый пятый из зарегистрированных случаев действительно доведен до суда.

Англия:

Из десяти детей один является жертвой сексуального насилия.

Нидерланды:

5–15 % девочек,

1 % мальчиков.

Австралия:

Каждая третья девочка в возрасте до 16 лет.

Каждый девятый мальчик в этой возрастной группе.

США:

Каждая четвертая взрослая женщина в детстве страдала от сексуального насилия.

3–9 % всех взрослых мужчин.

Средний возраст эксплуатируемых детей: 7–11 лет.

Продолжительность преступления (повторные инцесты): 3–5 лет.

Жертвы и преступники

Видимо, имеет смысл пояснить понятия «преступник» и «жертва». Эти термины снова и снова используют в литературе, чтобы совершенно определенно указать на чью-либо ответственность за сексуальную эксплуатацию. В женском движении это словосочетание недолюбливают, так как оно указывает на идеологически значимый образ женщины-жертвы. Пассивность и роль жертвы и без этого уже крепко въелись в общественное сознание, поэтому лучше избегать их упоминания в связи с инцестом. К тому же это затрудняет сопротивление эксплуатации и освобождение от роли жертвы. Верно подмечает Дж. Герман: «Инцест относится к преступлениям, за которые взрослый несет всю полноту ответственности. Ярлыки „преступник“ и „жертва“ точно отражают ситуацию, даже если многие защищаются от этого. Применение этих понятий не означает, что сложные человеческие существа низводятся просто до категорий. Мужчина, который сексуально эксплуатирует свою дочь, – это больше, чем просто преступник; идентичность женщины, имеющей сексуальные отношения со своим отцом, складывается не только из роли жертвы»¹¹.

В Голландии женщины в «Ассоциации против сексуальной эксплуатации детей» отвергают термин «жертва», потому что в ходе общественной работы с организациями обнаружили, что очень быстрое приписывание статуса жертвы позволяет лучше манипулировать ею¹².

Совсем другая критика схемы «преступник – жертва» исходит из семейно-динамического «лагеря». Там считают, что такое простое соотношение не подходит для описания комплексных внутрисемейных отношений, так как каждый член семьи вносит свой противоречивый вклад в динамику инцеста – отец, мать, братья, сестры и сама жертва. Семья представляет собой нечто подобное «коллаборативному единству», чьи эмоциональные дефициты лучше описывает модель «взаимодействия жертвы с жертвой»¹³.

В англоязычной литературе распространен термин «выживший» (survivor), потому что в нем отражен активный компонент. Вместо пассивного «терпеть» «выживание» отражает

¹¹ Herman. P. 4.

¹² Rijnaarts. Lots Töchter. Düsseldorf, 1988. S. 23.

¹³ Ср. обсуждение этой идеи в: Hirsch M. Realer Inzest: Psychodynamik des sexuellen Missbrauchs in der Familie. Berlin, 1987. S. 12 ff.

силу Эго. Но немецкий перевод этого выражения – «переживший инцест» – очень неловкий. «Пережить/выжить» создает образ – не такой активный, как английское «to survive», немецкое «überleben» больше ассоциируется с «еще раз-удалось-выбраться-из-этого», с «тем-что-еще-недопережито». Выжить – это бесконечно далеко от того, что составляет полноту жизни. Ниже я рассматриваю эту взаимосвязь более подробно. Здесь я использую термины «жертва» и «переживший инцест» попеременно.

Отношения отца и дочери как «владение имуществом»

Наша культурная солидарность является основой для понимания инцеста отца и дочери. Важно внимательнее присмотреться к отцовской позиции силы в семье и вдуматься в первоначальное значение понятия «отец семейства» (*pater familias*). Однако это будет означать прощание с «мифом о дружной семье» как о милом сердцу убежище. Оказывается, именно семья является очагом насилия, как ни странно, защита и безопасность менее всего обеспечена в семье.

Сексуальная эксплуатация способствует социальной изоляции семьи. Семья – это не оазис нежности и уюта, как нам хотелось бы думать.

Разрешите напомнить вам, что слово «familia» первоначально означало людей, находящихся в собственности кого-либо. Семей, прежде всего, владели как имуществом, и ничто не указывало на родственные связи или происхождение, а напротив, подчеркивало власть и владение отношениями, установленными господином. Слово «famel» означало не больше, не меньше, а «раб», «*pater familias*» означало не отец семейства, а господин своих рабов. («Отец» означало не родителя, а царя или басилевса, то есть правителя.) Например, в римской и китайской семье патриархальное господство было особенно выраженным, и факты инцестов отца и дочери однозначно указывают, что мы недалеко ушли от тех времен.

Заповеди Талмуда, Библии и Корана стали основой обычая коммерческого брака детей. Выкуп женщины был своего рода торговлей между ее отцом и женихом. Дочь меняла только, так сказать, владельца, будто она была вещью. Совершенным брак становился только тогда, когда девушкой сексуально овладевали. В таком понимании изнасилование являлось не нарушением прав человека, но своего рода кражей имущества у того, кому девушка «принадлежала». В своей книге о сексуальной эксплуатации детей Флоренс Раш тщательно проанализировала эти традиции¹⁴.

Культурная антропология также очень подробно исследует происхождение и функции табу на инцест и в этом свете рассматривает женщину как предмет обмена. Вспоминаются работы Леви-Стросса, который определяет запрет на инцест как правило, которое заставляет отдать мать, сестру или дочь другому мужчине. Если женщина – собственность мужчины, то это правило – для мужчин, оно может быть нарушено лишь мужчиной, так что нарушение табу является преступлением не против женщины, но против мужчины, которому женщина «принадлежит». Снова речь идет о преступлении против собственности.

На этом фоне становится особенно отчетливой специфика отношений отца и дочери, так как незамужняя дочь – женщина в семье, на которую не может претендовать никакой другой мужчина, кроме отца. Голландская феминистка Жозефина Рийнартс разработала эту тему в своих текстах. Незамужняя дочь принадлежит только отцу до тех пор, пока он не должен будет отдать ее другому мужчине, в то время как тетя и племянница недоступны, потому что принадлежат дяде, невестка и внучка – сыну, а мать – своему супругу.

Только незамужние дочери наряду с женой полностью находятся во власти отца, и он распоряжается ими по своему желанию. Это очень напоминает мне рассказ одной из жен-

¹⁴ *Rush F.* Das bestgehütete Geheimnis. Sexueller Kindesmissbrauch. Berlin, 1984

щин, переживших инцест, о том, как отец угрожал своей жене, которая хотела защитить от него дочь: «Погоди, прежде чем она выйдет замуж, я-таки поимею ее еще раз».

Очень похожим образом Катерина Брэди описывает в своей книге реакцию отца на объявление о помолвке дочери:

«Наконец-то мой отец был готов оставить меня в покое. Теперь нашлось нечто поважнее его сексуальных потребностей: собственность, то есть тот факт, что я принадлежу другому мужчине. Это было нечто, что он мог понять и был очень этим рассержен»¹⁵.

Такие высказывания напоминают нам о крепостном статусе женщины, как это утверждает германское право и прусский государственный закон «сильной руки» (наименование руки в перчатке, держащей оружие), предоставляющий жен и дочерей в полное распоряжение отца¹⁶.

Женщина как собственность и предмет обмена, как объект, не имеющий права на самоопределение, – это не только история и устаревшее законодательство, но и болезненная, снова и снова переживаемая женщинами сегодняшняя реальность. Я также имею в виду порнографию, проституцию, похищение девочек/девушек и принудительные браки.

При взгляде на наших европейских соседей, например на Турцию, очевидно, что реформы Ататюрка 1926 г., официально предоставившие женщинам равные права и закрепившие это в гражданском законодательстве, не имеют ничего общего с жизненной реальностью. До замужества девушка абсолютно подчинена отцу, а после свадьбы – мужу, особенно это распространено в сельских районах. Целостность девственной плевы все еще определяет качество женщины как товара и ее ценность при обмене. При опросе в Стамбульском университете 97 % студентов сообщили, что они не женятся на девушке, если она не девственница; а германские гинекологи, у которых есть пациенты турецкого происхождения, точно знают, что сексуальность является не личным делом пациентки, а семейной темой. Целая плева, залог девственности, становится, таким образом, центральной проблемой гинекологической практики.

Врачи цюрихской гинекологической клиники сообщают, что многие турецкие мужья при беременности жены требуют определения пола плода и, если это девочка, настаивают на аборте. Аналогичная ситуация в Индии, и там существует «Форум против технологий определения пола» при участии правозащитных и женских организаций, а также организаций здравоохранения. В одной из статей 1988 г. в журнале «Шпигель» сообщается, что в Африке деловые интересы являются решающими при выборе супруга. Родители невесты «требуют скот или наличные за свою дочь. Если их дочь не может иметь детей или потеряла девственность до брака, родители должны вернуть уплаченное». В адвокатских конторах Баварии желающие вступить в брак подтверждают такой же возврат и обмен тайских девушек. Комиссионные составляют, по данным журналистов, около 10 000 немецких марок за женщину¹⁷.

Однако немецкие и швейцарские обычаи сватовства свидетельствуют о явно недостаточном самоопределении женщины и об отцовском владении ею. Молодой человек, который намеревается жениться, должен просить руки невесты у ее отца. Именно отец передает дочь другому мужчине.

¹⁵ Brady K. *Father's Days*. New York, 1979. P. 100.

¹⁶ Ср.: Hartwig, Kuhlmann. S. 437.

¹⁷ Цит. по: Kuckuck A., Wohlers H. (Hrsg.). *Vaters Tochter*. Reinbek, 1988. S. 142.

Jus primae noctis – право первой ночи

Из средневековья к нам пришло так называемое господское право, привилегия помещика при замужестве женщины-подданной первым войти к ней во время брачной ночи. Несмотря на то, что это узаконенное «право» было очень спорным и претензии на девственность дочерей вассалов предъявлялись вопиюще часто, оно было прекращено сравнительно недавно и заменено уплатой так называемой «пошлины на девственность», «платы за сорочку» или «процентов за передник».

В некоторых странах этим «господином» был отец, который претендовал на девственность женщин в доме, используя свою сексуальную силу. К ним относились как дочери, так и жены его сыновей. У разных народов были описаны такие обычаи овладения дочерью или невесткой. При этом также ясно, что суть дела не в ритуале дефлорации, а в претензиях на власть и собственность.

Очевидна связь этого с обычаем, установленным в 398 г. Карфагенским советом и гласящим, что в первую брачную ночь необходимо воздерживаться и подарить ее Господу. Сохранилось название этой традиции – «Droit de Seigneur», или «право Господа (господина)». Я считаю, что первоначально у этого обычая был глубокий психологический смысл. Пожалуй, феномен *jus primae noctis* (право первой ночи) – выродившаяся форма изначального обряда, при котором происходила дефлорация девушки жрецом как представителем божественной власти. У К. Г. Юнга описан вавилонский обычай, согласно которому молодые девушки должны были до замужества отдаться в святилище чужаку, которого они больше никогда не увидят. Таким образом, архетипическую сексуальную энергию можно было не проецировать на какого-то конкретного мужчину, так что женщины могли переживать сексуальность на двух уровнях – индивидуальном и трансперсональном.

2. Тема инцеста у Фрейда и Юнга

Истерия и *unio mystica*¹⁸

Инцест – это не только внутриспсихический конфликт, связанный с фантазиями, от которых необходима психическая защита, но и реальность. Женщины, которых я психологически сопровождала, утратили здоровье, потому что их действительно сексуально насиловали. Будучи убежденной в этом, я оказываюсь вне психоаналитической традиции.

Коллеги часто спрашивали меня, действительно ли я верю всему тому, что рассказывают мои клиентки, действительно ли я совершенно уверена, что этих женщин в детстве на самом деле соблазнили. Они склонны предполагать, что сексуального насилия в действительности не было, и это все – просто фантазии.

Нередко я лишь тихо улыбаюсь им в ответ, как же они обманываются насчет фантазий о желаниях моих пациенток. Женщины-терапевты, которые много работали со взрослыми женщинами, пережившими в детстве сексуальное насилие, испытывают то же самое. Поверить женщинам, признать их переживания подлинными – долго считалось проявлением некомпетентности и невежества в понимании невроза, потому что для Фрейда психическая реальность фантазии значила больше, чем физическая реальность. Утешало лишь то, что при получении образования мы узнали, что Фрейд сам однажды пошел по этому неверному пути. Он позволил себе заблуждаться относительно того, что истории о соблазнении, рассказанные его пациентками, вымышлены. Затем Фрейд все же заметил свою ошибку, но продолжил отказываться от своей первоначальной теории соблазнения, согласно которой истерия является результатом сексуальной травмы, пережитой в детстве, травмы сексуального соблазнения отцом.

В последние годы в целом ряде публикаций сделаны попытки обосновать и разъяснить скрытые причины его отказа от теории соблазнения. О Фрейде пошла дурная слава и одновременно – обо всем психоанализе. Алиса Миллер называет психоанализ «лабиринтом» и «видимостью терапии». Массон¹⁹ говорит о трусости Фрейда и отсутствии у него мужества встретиться лицом к лицу с неудобной теорией, а феминистки, такие как Флоренс Раш, осуждают его тактику избегания и «маскирующие» маневры. Я хотела бы вкратце обрисовать дискуссию вокруг этой теории, потому что фрейдовские идеи вышли за пределы профессиональных знаний и стали всеобщим достоянием.

Эдипов комплекс считается центром психоаналитической теории личности и учения о неврозах. В рамках этой теории инцест не означает реального полового акта между членами семьи, ничего такого, что происходит на самом деле, напротив, это всего лишь бессознательное влечение ребенка к родителю иного пола. Рассказы о сексуальных посягательствах якобы указывают не на реальное событие, за которое преступник должен быть привлечен к ответственности, а исключительно на фантазии пациенток, обнаруживающих эдипов комплекс дочери. Местом действия является внутренняя сцена, а не реальная семейная жизнь. Акцент смещается от отца-преступника на дочь-фантазерку, а отец становится жертвой ее фантазий.

Однако еще вечером 21 апреля 1896 г. у Фрейда было совершенно иное представление об отцах. А именно: он обвинял их в том, что они причиняют такой ущерб своим дочерям, что нарушают все аспекты дальнейшего существования этих женщин. В докладе, прочитан-

¹⁸ Мистический союз, брак (*лат.*).

¹⁹ Masson J. Was hat man dir, du armes Kind, getan? Sigmund Freuds Unterdrückung der Verführungstheorie. Reinbek, 1986.

ном тогда Фрейдом в Вене перед коллегами, было прямо сказано о сексуальном обольщении отцами. Еще больше об этом мы можем узнать из писем Фрейда: «К сожалению, мой собственный отец был одним из таких извращенцев и виновен в истерии моего брата... и некоторых младших сестер».

Согласно более ранним исследованиям, он доверял сообщениям своих пациенток лишь в течение одного года (Массон показывает в своей книге, что на самом деле Фрейд намного дольше придерживался этой линии). В сентябре 1897 г. он уже отказался от перспективной, прозорливой теории соблазнения и заменил ее эдиповой теорией. Он предал оскорбленных женщин, больше не верил рассказанному ими и их воспоминаниям – и это до сих пор имеет далеко идущие последствия.

Сегодня обсуждаются три различных объяснения отказа Фрейда от убедительной теории соблазнения.

1. События вокруг пациентки Фрейда Эммы Экштайн и халатность его друга Флисса

Тут я лишь кратко скажу, что Эмма Экштайн была одной из первых пациенток Фрейда, считается, что ее история подтолкнула его к теме обольщения дочери отцом. Она страдала от истерических симптомов. Напомню, что в понимании Фрейда невротические расстройства имели, несомненно, сексуальное происхождение и что для него речь шла о том, как психика смещает симптом. Его лучший друг Флисс, напротив, предположил, что такое смещение бывает и физическим. Э. Экштайн страдала от менструальных болей, которые Фрейд увязывал с мастурбациями в детстве, а его друг как раз в это время написал очерк о причинно-следственной связи между носом и половыми органами, в котором хирургическое вмешательство в области носа было представлено как адекватное лечение болей при менструации. Таким образом, Фрейд согласился с тем, что Флисс сделает его пациентке такую операцию. Это была первая крупная операция в жизни Флисса. Эмма послужила, так сказать, «подопытным кроликом» для проверки туманных теоретических гипотез о смещении вагинальных проблем на область носа. Операция была катастрофически неудачной. Флисс оставил в ране полметра марли, из-за длительного носового кровотечения это привело к состоянию, опасному для жизни пациентки. Поначалу Фрейд был очень расстроен этой врачебной ошибкой, но позже стал объяснять длительное кровотечение из носа своей пациентки истерией. Он видел в кровотечении средство обольщения, чтобы удержать врача при себе. Интерпретируя таким образом, он защищал мужчину, Флисса, и не обращал должного внимания на женщину, Эмму Экштайн. Он не принимал всерьез симптомы, опасные для ее жизни, а лишь символически их толковал. Таким образом, эта женщина получила клеймо невероятной истерички, а ее описание обольщения отцом стали рассматривать только как продукт ее фантазии.

2. Нехватка гражданского мужества у Фрейда

Массон утверждает, что нарастающая изоляция Фрейда из-за его теории обольщения обескураживала его и не давала ему плыть «против течения» и обвинять уважаемых венских «отцов семейств».

3. Отношения Фрейда со своим отцом

Марианна Крюль в своей книге «Фрейд и его отец»²⁰ детально исследует его разворот к эдиповой теории. Она понимает переворот в его мышлении как защитный механизм, гарантирующий то, что Фрейд психологически не приблизится к реальным обстоятельствам

²⁰ Krull M. Freud und sein Vater. München, 1979

своего собственного детства, что он сможет и дальше приукрашивать образ своего отца, которого он резко и тяжело обвинял в дружеских письмах к Флиссу.

В связи с похоронами своего отца Фрейд описывает сновидение, в котором ему дается поручение: «Кто-то просит закрыть ему глаз(а)». Фрейд указывает на двойственность этого высказывания, что здесь речь идет также о закрывании глаза в смысле недосмотра, игнорирования. По мнению Крюль, Фрейд как раз и «закрыв глаза» на теорию оболыщения. После смерти отца Фрейд оказался в глубоком кризисе, который он описывал как интеллектуальный паралич, проявившийся в неспособности писать. Это можно понимать и как запрет на размышления и написание работ об отцах-извращенцах.

Здесь я освещаю психоаналитические основания этой темы, потому что в современной судебной и терапевтической практике все еще обнаруживаются пережитки этих теорий. Существует и недоверие сообщениям детей о сексуальном насилии в семье, и аналогичные сомнения в достоверности рассказов взрослых, в том числе так называемых истерических пациенток.

Вот почему я хочу еще раз подчеркнуть: инцест – это реальная тяжелая травма. Фрейдовское понимание травмы на практике оказалось неверным. Современные исследования тяжелых травм, таких как Холокост, пытки и изнасилования, доказательно подтверждают, что за невротические симптомы отвечают не бессознательные фантазии, а реальные события, которые наносят ущерб психической организации личности и делают людей больными.

Психоаналитическая литература по теме инцеста опирается на фрейдовское учение. В центре мы видим эдипальную тематику, раскрываемую на примере отца, матери или дочери. Инцестуозное поведение отца рассматривается как неразрешенное эдипальное желание к его матери. Его жена, которую он отвергает, представляется негативным аспектом его матери, наказывающей его за сексуальное желание, в то время как дочь для него – любящий и удовлетворяющий аспект хорошей матери.

Психоаналитические трактовки отношения к дочерям кружат вокруг того, что было реальным в обнаруженном сценарии эдипова комплекса девушки. Мать могла ее слишком рано фрустрировать, так что она вынуждена была обратиться к отцу для удовлетворения оральных потребностей. Ранние депривации и зависть к пенису позже могли привести к развитию в сторону промискуитета. В этой модели мать играет роль отвергающей женщины, потому что она разочарована в своем отце. Она якобы проживает враждебность, возникающую из ее собственного нерешенного эдипова конфликта с отцом, в отношениях со своей дочерью. Помимо этих психоаналитических конструкций, есть и другое мнение, что при инцесте речь идет, в конечном счете, вовсе не о генитальной сексуальности, а об удовлетворении оральных потребностей раннего детского возраста.

Unio mystica

В аналитической психологии К. Г. Юнга нет такой темы, как реальный инцест. Юнг не занимался сексуальностью индивида и пренебрегал значением «семейных романов». Юнгу также предъявляют претензии, что «концепция сексуальности» у него «истончается до того, что больше уже невозможно понять, что собственно должно означать это слово (сексуальность)»²¹.

Однако в переписке Фрейда и Юнга толкование инцеста в рамках теории либидо занимает важное место. Предположение Юнга о духовном значении инцеста как символа, которое он делает в работе «Метаморфозы и символы либидо», стало одной из причин разрыва с Фрейдом. Он отказался от главенства исключительно сексуального либидо и тем самым

²¹ Цит. по: *Dehing J. Jung aus der Sicht der anderen // Analyt. Psychol.* 1987. 18. 4. S. 289.

противостоял фаллоцентрической позиции Фрейда. В своих воспоминаниях Юнг пишет, что в течение двух месяцев он не мог взять в руки перо, потому что знал, что его собственное мнение будет стоить ему дружбы с Фрейдом.

Видимо, тема инцеста была комплексом как для Фрейда, так и для Юнга. Под «комплексом» в аналитической психологии понимают психический фактор, который эмоционально очень сильно заряжен. Любой комплекс обладает некоторой автономией и лишь частично доступен сознанию. Комплексы ведут себя как части личности, как «бесы», которые хотят сыграть с нами злую шутку. Источником комплекса, как правило, является травма, например, эмоциональный шок. По большей части, мы не осознаем наши комплексы, что дает им больше простора для отыгрывания вовне.

Выскажу некоторые соображения, которые привели меня к тому, чтобы обозначить юнгианское понимание инцеста как «обусловленное комплексом». Юнг очень ясно дает понять, что для него инцест означает личностную проблему лишь в «редчайших случаях». Вот почему его интерес направлен только на архетипические основы феномена инцеста. Случаи в практике он видит, в конечном счете, только как психопатологические проявления коллективной тематики.

Для Юнга это «*cum grano salis* не так уж важно... действительно ли произошла сексуальная травма или же это просто фантазия»²². В воспоминаниях он пишет: «Инцест и пerversии не были для меня какими-то примечательными новинками и не стоили особого объяснения. Они относились к криминалу, к такому черному осадку жизни, который портил мне благостную картину мира, они слишком ясно тыкали меня носом в уродство и бессмысленность человеческого существования»²³. Он с удовольствием производит на нас впечатление, будто для него, сына природы, сексуальность лишь естественна и, следовательно, не интересна. Однако его страстные выпады «в праведном гневе» против фрейдовской точки зрения на сексуальность говорят нам совершенно о другом. Например, он критикует Фрейда за «грязные подростковые фантазии», которые «затягивают всех и вся в инфантильно-извращенную трясиину психологии неприличных шуток»²⁴.

Юнг яростно отвергал идею Фрейда, что сексуальная травма в детстве является источником невроза. По его мнению, вряд ли найдется ребенок, который не испытал эмоционального шока, но все же сравнительно немного людей потом формируют невроз. У меня сложилось такое впечатление, что Юнг имел личные причины преуменьшать значение сексуальной травмы в детстве и ее возможных невротических последствий.

Поразительно, как сильно Юнг выхолащивает переживание влечений в раннем детстве. Его заявление «Мы не занимаемся тем, что происходит в детской комнате»²⁵ позволяет предположить, что Юнг имел весомые причины выносить эту тему за скобки. В своей книге «Миф и эмансипация» Эверс указывает на то, что скрыто за образом «того, что происходит в детской комнате», не раскрывая, о чем идет речь. Он упоминает только «вторичное табуирование»²⁶ сексуальности у Юнга. Другие авторы обосновывают юнговское сексуальное табу атмосферой протестантского родительского дома²⁷. Я лично тщательно изучала переписку Фрейда и Юнга и пришла к выводу, что Юнг был обязан во что бы то ни стало вытеснять то, что он был жертвой сексуальной эксплуатации. На фоне его биографии удивительно как раз

²² Письмо Фрейду, 17.5.1912 // Briefwechsel Freud Jung. Zürich, 1976. S. 560.

²³ Jung C. G. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich, 1979. S. 170.

²⁴ Jung C. G. Gesammelte Werke. Ötten, 1960–1978. 10. S. 191.

²⁵ Цит. по: Rittmeister J. Die psychotherapeutische Aufgabe und der neue Humanismus // Psyche. 1968. 12. S. 942.

²⁶ Evers T. Mythos und Emanzipation. Hamburg, 1987. S. 95.

²⁷ Herwig H. Therapie der Menschheit. München, 1969. S. 108.

то, что Юнг защищался от того, чтобы «людей, порядочных до глубины души... подвигать на подлые мотивы и подозревать их естественную чистоту в неестественной грязи»²⁸.

Сам Юнг еще мальчиком стал жертвой гомосексуального обольщения со стороны как раз «порядочного человека», старшего и им очень уважаемого. В своих воспоминаниях он не упоминает об этом насилии и, насколько мне известно, Юнг нигде не разглашает, кто это был. В письме от 28 октября 1907 г. он пытается объяснить Фрейду причину своей неспособности писать. Он упоминает о том, что ему мешают аффекты, которые Фрейд называл «комплекс сдерживания», нечто вроде злых духов. Этот комплекс сдерживания, пишет Юнг, «происходит из того, что мое почтение к Вам носит „религиозно“-преданный характер, правда, это не доходит до „приставаний“, но его несомненно эротические оттенки заставляют меня ощущать себя отвратительно и глупо. Это отвратительное чувство происходит оттого, что мальчиком я уступил гомосексуальному посягательству со стороны одного человека, которого я ранее очень уважал. Уже в Вене замечания женщин... пробудили мое отвращение, но тогда мне еще не было ясно, в чем дело.

Это чувство, от которого я еще не совсем освободился, теперь во многом мне мешает. Это проявляется в том, что мне стали прямо противны отношения с коллегами, у которых на меня сильный перенос из-за моей психологической проницательности. Поэтому я опасаясь Вашего доверия. Кроме того, я опасаясь появления такой же реакции на Вас, если бы я заговорил бы с вами о чем-то своем интимном. Я избегаю этого, насколько это возможно»²⁹.

Заметно, что эротический подтекст в его отношениях с Фрейдом сразу возвышается до религиозно-преданного. Страх близости с мужчиной в этом письме Юнга описан очень определенно, хотя, кажется, этот страх имеет двойной аспект: страх того, что мужчина, которому он доверится, может этим воспользоваться ради сексуальных отношений и одновременно страх близости как страх перед собственными эротическими импульсами.

В письмах Юнга к Фрейду совершенно очевидно, что сексуальное насилие оставило в нем такой след, который было необходимо сильно вытеснять. Видимо, он также страдал от чувства вины, потому что в следующем письме он выражает опасения и озабоченность «возможными последствиями своей исповеди»³⁰. Исповеданы бывают грехи и нарушения заповедей. С исповедью связано отпущение грехов, избавление от вины, спасение от стыда. Семейная среда, в которой вырос Юнг, не давала ему возможности открыть тайну сексуального насилия. Мальчик оставался один на один со всем этим, прежде всего, с неопределенностью своей мужской идентичности и раненым чувством собственного достоинства. В связи с этим он отстранился от жизни и в своих воспоминаниях рассказывает: «Вся моя юность может быть понята через идею тайны – из-за этого я оказался в почти невыносимом одиночестве». Юнг очень трогательно описывает двойственность своих детских чувств: «Изгнан или избран, проклят или благословен». О своих ранних переживаниях Юнг вряд ли где-то говорит. «С детства в течение десятилетий на это было наложено строгое табу»³¹.

Исследования отсроченных последствий сексуального насилия подтверждают, что обычно происходит эмоциональное отстранение и уход в одиночество, онемение из-за стыда и вины. Все симптомы, которые Юнг описывает в связи с двенадцатым годом своей жизни, называя его подлинно «судьбоносным»³², также могут быть увязаны с пережитым сексуальным соблазнением: диссоциация, отщепление или расщепление на две разные личности, обмороки, эпилептоподобные припадки, самообвинения и идентификация с агрессором.

²⁸ Jung. G. W. 10. S. 191.

²⁹ Briefwechsel. Ibid. S. 305.

³⁰ Briefwechsel. Ibid. S. 105.

³¹ Jung C.G. Erinnerungen. Ibid. S. 47.

³² Das zwölfte Jahr wurde für mich zum eigentlichen Schicksals Jahr // Erinnerungen. Ibid. S. 36.

ром, провалы в памяти, бессонница, мучительные мысли и т. д. — все это часто описывают как последствия насилия. «С того времени у меня появились обмороки», врачи «считают, что может быть эпилепсия», «я живу в двух мирах, во мне два разных человека». Многие из его высказываний, соотнесенных с тем, что по дороге из школы его толкнул приятель, читаются совсем иначе с учетом нынешних знаний и результатов исследований. Эти описания выглядят смещением, покровом для совсем другой травмы. «Невроз тоже стал моей тайной, но это была гнусная тайна и поражение», «у меня было чувство гнева на себя самого, я стыдился самого себя». Юнг списывает «примечательную» потерю памяти в то время на свой невроз после несчастного случая. Он не считает своего товарища плохим за его выходку, а берет вину на себя. «Никто другой не виноват», но «с моей стороны все складывалось дьявольски».

Из нашего психотерапевтического опыта мы знаем, что люди пытаются утаить нарциссическую или сексуальную эксплуатацию в детстве и обвинять себя в том, что произошло. Также и тут складывается впечатление, что Юнг очень боялся встретиться лицом к лицу с этой детской травмой. Однако заблокированные чувства неизбежно должны были найти себе какой-то выход, раз их невозможно было интегрировать. У Юнга не было «адвоката» или «свидетеля», как называет Алиса Миллер людей, которые могут помочь в детстве в переработке травмы. Он вырос в семье, которая не могла поддерживать ощущение эмоциональной защищенности. В своих воспоминаниях он пишет, что уже ребенком бывал настороже, когда звучало слово «любовь».

Возможно, фантазия, которая появилась у Юнга после того «несчастного случая», является бессознательной попыткой понять, что с ним произошло, и переработать это. Он пишет: в последующие бессонные ночи чувствовал, что должен «думать о чем-то, чего я не знаю и не хочу знать, к чему мне вообще нельзя подойти»³³. Юнг ссылается здесь на фантазию, в которой из-под Бога, сидящего на золотом троне, валятся отвратительные какашки на яркий купол собора в Мюнстере и разрушают его так, что падают стены. Духовный мир церкви, представляющей собой образец морали, благочестия и веры был потрясен и уничтожен. Юнг также рассказывает, что в то время был охвачен глубокими сомнениями во всем, что говорил его отец. Многие высказывания в связи с этим «судьбоносным» годом приобретают другую окраску, если мы видим их на фоне сексуального «посягательства». Насколько далеко зашло влияние отрицания детской травмы на последующие теории Юнга, еще предстоит отдельно исследовать. Также еще нужно изучить, соотносится ли то, что Урсула Баумгардт назвала в своей критике юнговской концепции анимуса «циничным обесцениванием того, что мы обычно понимаем под духом или духовностью»³⁴, с его переживанием, когда он был оскорблен как раз представителем «соборности отцов и иных авторитетов»³⁵.

Из сновидений Юнга становится ясно, что переживание раннего сексуального злоупотребления отбросило длинные тени, которыми он был немало озабочен, но в действительности их было как бы запрещено понимать. В своем письме Фрейду после той «исповеди» он пишет, что только сейчас ему стал понятен сон, в котором он видел Фрейда как «древнего, очень дряхлого старца», идущего с ним рядом. «Мой сон успокаивает меня насчет опасности, исходящей от Вас! Как вообще это могло прийти мне в голову, конечно, нет! Надеюсь, теперь подземные боги со своими выходками оставят меня в покое»³⁶. В своих воспоминаниях Юнг описывает очень похожее сновидение одного человека, чей дух не мог упокоиться. Здесь не место для более подробного толкования этих сновидений и сексуальных пережи-

³³ Jung C.G. Erinnerungen. Ibid. S. 42.

³⁴ Baumgardt U. König Drosselbart und C. G. Jungs Frauenbild. Ötten, 1987. S. 114.

³⁵ Jung. G. W. 7. S. 228.

³⁶ Briefwechsel. Ibid. S. 106.

ваний мальчика. Я лишь хочу подчеркнуть, что окружение Юнга состояло в основном из женщин. Видимо, подземные боги не перестали его беспокоить, потому что его отношения с мужчинами навсегда остались проблематичными.

Я думаю, что из этих разрозненных цитат стало ясно, что, пережив опыт сексуальной эксплуатации, Юнг пострадал намного больше, чем мог себе представить. Не удивительно, что такая травмированность отразилась на юнговском мышлении и его отношении к сексуальности. Юнг описывает в своих воспоминаниях, что главной его целью было «исследовать и объяснить нуминозный смысл» сексуальности, опираясь на ее «персональное значение и биологическую функцию»³⁷. Может быть, вытеснение реального уровня сексуального насилия, пережитого в связи с собственным телом, внесло свой вклад в расстановку именно таких акцентов. В кратком тексте Марвина Голдверта из Нью-Йорка³⁸ одухотворенность юнговского учения и его уклон в религиозно-духовную сферу увязаны с сексуальным соблазнением.

Он указывает на то, что одиннадцатилетний Юнг «предположительно в возрасте оболыщения»³⁹ начал молиться Богу. В своих воспоминаниях Юнг объясняет это тем, что «это казалось мне несомненным. Бог не был омрачен моим недоверием»⁴⁰. По мнению Голдверта, такое обращение к религиозно-духовной сфере могло быть отчасти спровоцировано сексуальной травмой. «В своем бегстве от животной жизни у же в очень раннем возрасте Юнг оказался в объятиях архетипического образа Бога и под влиянием духовного мистицизма»⁴¹.

Голдверт ссылается также на Отто Ранка, который был соблазнен в возрасте семи лет и назвал этот опыт «плитой на могиле его радости» и причиной его последующих страданий. Из-за потребности в социализации для него было невозможно говорить об этом переживании. Он отстранился и ушел в одиночество. Важно, что и для Ранка инцест был сильно заряженной темой, которой он посвятил свое творчество. С 1912 г. у Юнга была книга Ранка «Мотив инцеста в поэзии и сказаниях» и он отправил Фрейду свой комментарий для «Ежегодника», но он так и не был опубликован. Он считал эту книгу очень достойной, но не был согласен с теоретической позицией Ранка по теме инцеста.

Юнг также возражал против позиции Фрейда по проблеме инцеста, так как она была слишком регрессивной и редуктивной. Он противопоставил ей свою позицию – прогрессивную и синтезирующую. Для Юнга мотив инцеста – это образ целостности. Он связан с вечным стремлением человека стать целым и вернуться в исходное состояние единства. Насколько это трудно – перерезать пуповину не только физиологически, но и психологически – хорошо известно любому человеку. Зафиксироваться на инцесте означает для Юнга инфантильно застрять в глубинной человеческой тоске, в желании оставаться ребенком. Такое стойкое зависание либидо на первом детском объекте Ницше назвал «кошунственной тягой назад». Удовлетворение такой тоски означало бы конец индивидуальности человека. Вот почему инцест – это преступление, смерть духа в человеке. Функцией табу на инцест является предотвращение такой регрессии.

Если же тяга к инцесту не находит своего воплощения, то влечение одухотворяется. При невозможности прямого удовлетворения человеческий инстинкт создает образы, которые символически выражают соединение противоположностей. Обращаясь к мифам и представлениям алхимиков, Юнг заявляет, что *coniunctio* – это архетипический образ соединения

³⁷ Jung C.G. Erinnerungen. Ibid. S. 172.

³⁸ Goldwert M. Childhood Seduction and the Spiritualization of Psychology. The Case of Jung and Rank // Child Abuse and Neglect. 1986. 10. P. 555–557.

³⁹ Goldwert. Ibid. P. 556.

⁴⁰ Jung C. G. Erinnerungen. Ibid. S. 33 f.

⁴¹ Goldwert. Ibid. P. 556.

противоположностей: свадьба Короля и Королевы, Солнца и Луны, Неба и Земли, а также hierosgamos – божественная свадьба, священный брак. Юнг пишет не о реальном сексуальном насилии в семье, не о присущих обществу насильственных структурах, а об архетипе инцеста. Он понимает инцест как непристойный символ для «*unio mystica*», и тем самым отсылает к сексуальному соединению как священнодействию.

В связи с этим стоит отметить, что слово «табу» происходит от полинезийского глагола *tapui* и означает «сделать священным». То, что табуировано, наполнено маной и нуминозностью. Нарушение табу оскверняет его. Кто подвергся сексуальной эксплуатации, больше не может переживать сексуальное соединение как нечто священное и обманывается трансцендентным измерением сексуальности.

Для Юнга трагедия реального инцеста состоит в том, что на физическом уровне как раз и не может быть найдено то, что в глубине души люди так ищут. При реальном инцесте тема соединения противоположностей мужского и женского не понята бесконечно глубоко. Стремление к целостности проявляется в действительном инцесте в своей извращенной форме и вообще никогда не будет осознано как внутриспсихическая задача соединения мужского с женским. Без этого внутреннего субъективного интегрирующего подхода индивидуация также невозможна.

Юнг не отдавал должного воздействию реального инцеста на психическую жизнь человека. Случаи, с которыми я имела дело на практике, он называл лишь «эмбриональным примитивным предшественником светской проблематики». Он также не принимал всерьез «истерическое мнение, в соответствии с которым индивид является невротиком». «Это также маловероятно, как и предполагаемые сексуальные травмы истеричек»⁴².

Я хорошо понимаю, что жертвы инцеста чувствовали себя непонятыми Юнгом в том, что составляло их конкретный травматический опыт. В письме Фрейду от 13 мая 1907 г. он пишет:

«Сейчас у меня в аналитической работе находится шестилетняя девочка с чрезмерной мастурбацией и ложью, что ее якобы обольстил опекун. Это очень трудное дело! У вас есть опыт работы с такими маленькими детьми? Кроме блеклого и безэмоционального, совершенно неправдоподобного представления о травме в сознании, мне не удастся достичь никакого спонтанного или внушенного отреагирования аффекта. В настоящее время она выглядит так, как если бы у нее было головокружение после травмы. Но откуда этот ребенок знает все эти сексуальные истории?» На этот вопрос никоим образом не был найден ответ, что эти сексуальные истории ребенок пережил на собственном теле, а напротив, их списали на воображение ребенка. Юнг, по-видимому, даже размышлял, не диагностировать ли у девочки шизофрению, раз он пишет: «Никаких признаков раннего слабоумия!»⁴³.

Насколько Юнг оставался глух и слеп к страданиям этой девочки, видно из следующих комментариев: «Гипноз был хорошим и глубоким, но ребенок обходит все внушения представить травму почти безвредной. Важным было следующее: на первой сессии она спонтанно галлюцинировала „колбаску, про которую женщина сказала, что она будет все толще и толще“. На мой вопрос, где она видела такую колбаску, ребенок быстро сказал: „У господина доктора!“. И это все из того, что можно было бы ожидать от трансового состояния. С тех пор все сексуальное полностью отщеплено»⁴⁴. Меня не удивляет то, что эта девочка не сказала больше ни слова о сексуальном. Она наверняка почувствовала, что ей не поверили.

Ответ Фрейда на это письмо – очень типичный пример того, как в то время лечили последствия сексуального насилия. Он пишет: «От вашей шестилетней девочки вы, между

⁴² Jung. G. W. 5. S. 530.

⁴³ Briefwechsel. Ibid. S. 50.

⁴⁴ Ibid. S. 50.

прочим, узнали, что посягательство является осознанной фантазией, которая регулярно обнаруживается при анализе и которая сводится для меня к признанию того, что в детстве бывают сексуальные сновидения. Терапевтическая задача состоит в обнаружении источников, из которых ребенок почерпнул свои сексуальные знания. Дети, как правило, дают мало сведений, но подтверждают то, о чем вы догадались и сообщили им. Важно расспросить членов семьи. Если это удастся, это дает волнующие результаты в анализе... Ребенок не говорит, потому что он быстро, целиком и полностью, оказывается внутри переноса, что доказывают и ваши наблюдения»⁴⁵.

Неудивительно, что Юнг сразу был готов принять рассказ об обольщении за ложь, ведь в детстве он сам был жертвой обольщения и даже много лет спустя выдавал свое собственное обольщение за «покушение», а это слово относится и к убийству (я вспоминаю свои выводы об «убийстве души»), и к изнасилованию. С другой стороны, именно эта готовность Юнга согласиться с Фрейдом при его отказе от теории соблазнения может быть истолкована как защита от его собственной травмы сексуального соблазнения.

Юнг последовательно скрывает правду о себе, когда отрицает значение реального травмирования в раннем детстве и считает его фантазией. Алиса Миллер также очень скептически отзывается о том, что невозможно найти «в архетипическом лесу юнговских понятийных конструкций детей, которыми в первые годы их жизни злоупотребляли и над которыми надругались». Я думаю, что пережитое насилие и чувство, что доверие обмануто и использовано именно тем человеком, к которому было много уважения, представителем отцовского мира, делало особенно значимой заповедь «Не помни!». «Иудейский сын Фрейд лишился своего запретного инсайта в теории влечений, а протестантский сын К. Г. Юнг нашел такое единство с отцами-теологами, при котором любое зло он помещает в лишенное детства бессознательное. В более позднем возрасте заповедь „Не помни!“ делает обоих мыслителей глухими. Как если бы запретное древо познания осталось нетронутым»⁴⁶.

⁴⁵ Ibid. S. 53.

⁴⁶ Miller A. Du sollst nicht merken. Frankfurt, 1983. S. 256.

3. Инцест в мифах и сказках

Образы сексуализированного насилия

Я описала инцест как убийство души. Мифы, легенды и сказки повествуют о том же. Жестокость, зло, насилие как часть человеческой жизни отражены во всех наших мифологических традициях как утрата или продажа души, ее проклятие или заклятие. В том, как каменеют героини сказки, как они засыпают сном, смерти подобным, как их насильственно похищают в подземный мир, мы ощущаем душевное несчастье женщин, подвергшихся насилию.

Я обращаюсь к архетипическим мотивам, чтобы сделать инцестуозную динамику темы отношений между отцом и дочерью более доступной пониманию. В глубинной психологии К. Г. Юнга использование сказок и мифов является важным подходом к пониманию перипетий человеческой жизни. Важно добиться, чтобы мудрость сказок принесла свои плоды в психотерапии, ведь в мифах и сказках отражаются бессознательные процессы в их архетипической форме. Общечеловеческие ситуации, представленные в сказках, являются не чем иным, как «самопредставлением психических процессов». Я отслеживаю в сказках, мифах и легендах мотив инцеста, и для меня важно не столько истолковать отдельные варианты как части осмысленного целого, сколько с помощью метода амплификации показать тему инцеста в более широком контексте.

Сексуальное насилие отнюдь не является темой нашего времени. Современным является лишь то, что сегодня мы рассматриваем сексуальную эксплуатацию как ущерб личности, как нападение на право человека свободно распоряжаться своим телом.

В иудейской и христианской традициях всегда процветало унижение и сексуальная эксплуатация женщин. Священное писание знает изнасилования и инцесты, но ничего не хочет знать о пострадавших, о том, чтобы позаботиться о психических и телесных ранах женщин. Речь идет всегда лишь о нарушении прав собственности, о разрушении «владения». Женщина рассматривается как сексуальная собственность, и так же, как у первобытных народов, она в основном имеет лишь меновую стоимость. В Ветхом Завете она стоит в одном ряду с имуществом и упоминается вместе с «крупным рогатым скотом и домом». «Не пожелай дома ближнего твоего, его слуги, жены, скота и всего, что принадлежит ему».

Потрясающим примером этого является история левита и его наложницы (Книга Судей, 19: 11–30), одна из версий истории о Содоме и Гоморре. Они ехали по незнакомой местности. Наступил вечер, они заночевали в доме одного старика. Во время ужина раздался громкий стук в дверь. «Жители города, развратные люди» потребовали, чтобы старик отдал им своего гостя, чтобы они могли его «познать». Он отказался, ссылаясь на законы гостеприимства, по которым у него есть долг по отношению к незнакомцу. Поскольку мужчины не сдавались, он предложил вместо этого отдать им свою дочь, которая еще не познала мужчину, чтобы их удовлетворить:

«Он сказал: „Нет, братья мои, не делайте зла! Когда человек сей вошел в дом мой, не делайте этого безумия! Вот у меня дочь девица, и у него наложница, выведу я их, смирите их и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия!“ Но они не хотели слушать его. Тогда муж взял свою наложницу и вывел к ним на улицу. Они познали ее, и ругались над нею всю ночь до утра». Наконец они бросили ее под дверь, где наутро гость и нашел ее мертвой.

Из текста мы ничего не можем узнать о том, почему отец решил пожертвовать дочерью; ничего не говорится и о причине злоключений, которые достались наложнице, речь идет

лишь о негодовании из-за ущерба имуществу. «Придя в дом свой, взял нож и, взяв наложницу свою, разрезал ее по членам ее на двенадцать частей и послал во все пределы Израилевы».

Так же и в истории об изнасиловании Тамары ее сводным братом Амноном (2 Книга Царств, 13) речь опять идет о собственности. Аммон изнасиловал сестру Авессалома, а затем стал гнать ее прочь, ругаясь и позоря ее. «Получи, что заслужила!» Спустя два года ее брат отомстил и убил его, но и тут вполне ясно, что месть была не за бесчестие его сестры, а за сексуальную претензию на чужую собственность, что противоречило собственному ревнивому отношению Авессалома.

Ветхий Завет – кладезь историй о явных и скрытых инцестуозных отношениях. Примечательно, насколько сильно старые мифы по-прежнему отражаются в наших нынешних убеждениях. Например, во Второзаконии утверждается, что обрученная девица, которая не кричала при изнасиловании, окаменеет. За этим стоит представление, что изнасилование можно было бы предотвратить, если бы она позвала на помощь. Отсутствие крика не связывают со страхом или с угрозами еще большего насилия, а считают признаком того, что женщина хотела быть изнасилованной.

Подобным образом и сегодня жертвы сексуального насилия подозреваются в тайном сговоре с преступниками. В школьном возрасте по житиям святых мы научились тому, что лучше умереть, чем быть изнасилованной. Целомудрие есть высшая ценность, и пусть жертва лучше умрет, чем будет дальше жить запятнанной греховной сексуальностью. Я хорошо помню легенду о Марии Горетти, двенадцатилетней мученице, канонизированной церковью, потому что она погибла, но сохранила свое целомудрие. Она родилась в 1890 г. в Италии в бедной благочестивой семье. Однажды на нее напал жестокий человек, который хотел ее изнасиловать. Она защищалась изо всех сил до тех пор, пока злоумышленник не убил ее.

Еще один миф, к которому часто обращаются в кругу нынешних мужчин, восходит к истории Иосифа и жены Потифара. Она изображена похотливой и агрессивной женщиной, которая из мести за то, что ей не удалось соблазнить Иосифа, ложно обвинила беднягу в изнасиловании. Отсюда был сделан общий вывод, что все женщины, которые обвиняют мужчин в изнасиловании, лгут, чтобы отомстить им за себя.

Библейская история Лота ярче всего отражает предрассудок, с которым мы постоянно встречаемся в нашей повседневной жизни. Видимо, тема «Лот и его дочери» все еще, как и всегда, особо чарует мужчин и будит их фантазию, судя по тому, как часто она предстает в художественных образах. Идея о том, что две молодые и заманчивые женщины восхотели старца, явно опирается на глубочайшие фантазии мужчин о желании. На ум приходят картины Рубенса, Масси, Джентилески, Альтдорфера, Вина, Тинторетто, ван Лейдена, Турки и мн. др. Характерной особенностью этих картин является образ молодой богатой женщины, чье платье соблазнительно обнажает грудь или даже сползло почти до лобка. Эта цветущая, отчасти обнаженная женщина подает старику кувшин с вином. Здесь я кратко перескажу историю, которая вдохновила столько великих художников:

«И вышел Лот из Сигора и стал жить в горе, и с ним две дочери его, ибо он боялся жить в Сигоре. И жил в пещере, и с ним две дочери его. И сказала старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли; итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим: а он не знал, когда она легла и когда встала. На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца своего вином и в эту ночь; и вошла младшая и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала. И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца своего...» (1-я книга Моисея 19, 30 и далее)

Здесь мы имеем дело с классическим примером оправдания желания отца к дочерям с помощью указания на то, что он был опьянен и обманут ими. Этот миф отражает типичный, не вымерший даже в профессиональных кругах сценарий: якобы соблазняющее и возбуждающее поведение дочери создает эротическую атмосферу, отец безобиден и напивается, ничего не подозревая, а мать отсутствует. Козлом отпущения становится либо дочь, либо алкоголь, или и то, и другое вместе.

Однако, с точки зрения феминистской теологии эта история толкуется совершенно иначе. Хельга Зорге, преподаватель этой дисциплины в Кассельском университете, формулирует это следующим образом:

«Все это могло быть только так, что старый уже отец напоил своих дочерей и изнасиловал их, чтобы оставить свое семя в потомках, что является вечной проблемой ветхозаветных мужчин... Чтобы от пьяного старика забеременели две женщины! Вслед за Шекспиром я думаю, что это исключено („...алкоголь будит желание, но препятствует делу“). А вот две опьяненные дочери уже больше не могли защищаться»⁴⁷.

Из античной мифологической традиции мы также узнаем о греховной любви дочери к отцу. Мне вспоминается знаменитая притча о Мирре и Кинире, которую рассказывает Овидий в своих «Метаморфозах». Афродита прокляла Мирру и обрекла ее вожделеть к собственному отцу. С помощью своей кормилицы ей удастся соблазнить отца и девять ночей обманывать его в том, кто она. Когда он, наконец, понимает, кто она, то преследует ее с обнаженным мечом. Девять месяцев скиталась Мирра по лесу и, наконец, упростила богов превратить ее в дерево, и тогда она родила своего сына Адониса.

И в этой истории мы видим уже знакомые мотивы: отсутствие матери становится рискованной ситуацией для отца и позволяет плохой дочери его соблазнить. Отец изображен в состоянии полного неведения, хотя кормилица много раз намекала и указывала на то, кто эта молодая девушка. Например, она подчеркивает, что возраст девушки тот же, что у Мирры, и более того, она говорит: «Прими ее, ведь она твоя, Кинира». На неведение указывает и то, что любовная встреча происходит в ночной тьме, и, естественно, не упущен тот факт, что отец пил вино, когда кормилица сказала ему о его дочери.

Опьяненность отца можно понимать как метафору его вожделения. Во многих традициях ответственность за опьяненность отца передана служанкам, которых потом наказывает мать за то, что они предательски привели дочь к отцу. К чести Отто Ранка, издавшего в Вене в 1912 г. свою книгу «Мотив инцеста в поэзии и сказаниях», надо сказать, что в отличие от фрейдистских эдиповых интерпретаций он показал подлинный характер и происхождение мотивов, в которых речь идет о садистическом подчинении женщины, в том числе дочери.

«В этом символическом образе дерева, расколото мечом (по Аполлодору, отец расколол дерево своим мечом – и родился Адонис), мы распознаем садистическое подчинение, наряду с оправданием отца, соблазненного дочерью. Такое символическое представление отражает не только исходящие от отца сексуальное желание и действие, но и указывает на вытеснение изначальной отцовской похоти. Этот символический образ преследования дочери совершенно ясно показывает враждебное отношение отца и рационализированные остатки первоначального изнасилования дочери, теперь спасающейся бегством и пытающейся себя защитить»⁴⁸.

Многие изменения, внесенные в эту притчу в ходе столетий, недвусмысленно показывают, что отец был не таким уж невинным. В английской версии Генри Остина, которая вышла в 1613 г.⁴⁹, инцестуозность желания отца совершенно очевидна. Хотя здесь и предпо-

⁴⁷ Kuckuck A., Wohlers H. (Hrsg.). Vaters Tochter. Reinbek, 1988. S. 115.

⁴⁸ Rank O. Das Inzest-Motiv in Dichtung und Sage. Darmstadt, 1974. S. 343f.

⁴⁹ Ср.: Rank O. Ibid., S. 350; так же: Flinker N. Father – Daughter Incest from Ovid to Milton // Milton Studies. P. 59–74.

лагается, что король не знал о своей страсти к собственной дочери, но осознание им своей вины после преступного акта и его диалоги с дочерью в течение девяти ночей подтверждают то, что началом этой истории были вытесненные отцовские желания. Тема совращения «невинного» отца «похотливой» дочерью ставится под сомнение не только в феминистской интерпретации.

Вечные образы мифов, сказок и легенд со всей ясностью показывают, что сексуальное желание отца, его желание обладать прекрасной дочерью и никому ее не отдавать – это очень древняя тема. Сказки символически описывают путь, на который должна вступить женщина, чтобы вырваться из отцовских объятий. Мощные образы мифов рассказывают о вытесненных инстинктивных влечениях, определяющих нашу жизнь.

Рассмотрим широко распространенную сагу о царе Аполлонии, в этом популярном тексте встречаются все мотивы, которые мы находим в более поздних сказках и легендах. Оригинальный материал, вероятно, взят из греческого романа, переведенного на латынь, и претерпел многочисленные изменения в Средние века.

Царь Антиох был таким же, как и многие другие сказочные цари. Настал тот день, когда умерла его жена, и он остался один на один со своей прекрасной дочерью. Многие женихи просили руки добродетельной девушки, но отец сам был так поглощен огнем своей страсти к дочери, что однажды изнасиловал ее. Он задумался, как ему обмануть женихов дочери, чтобы ему суметь беспрепятственно ею владеть и наслаждаться. Он объявил, что каждому, кто захочет взять в жены его дочь, придется разгадать загадку и тем самым показать свой ум и достоинство. Кто не найдет ответа, потеряет голову. Многие женихи сложили свою голову, ведь царь убивал и тех, кто справился с загадкой, чтобы его дочь оставалась при нем.

Однажды в эту страну приехал царь Аполлоний, разгадал загадку, в которой речь шла об инцесте отца и дочери, и ему пришлось спасаться бегством. Так, он оказался в большой беде, и за ним ухаживала дочь другого царя, на которой он затем женился. Она родила ему дочь, которую он назвал Тарсией. Роды были преждевременными, мать лежала бездыханная, и все решили, что она мертва. Царь отдал новорожденную дочь на воспитание в семью, и о ней хорошо заботились. На ее сводную сестру никто не смотрел из-за красоты царской дочки. Когда ей было двенадцать лет, приемная мать решила убить девушку. По счастливому случаю, девушка спаслась и была куплена неким торговцем для борделя на рынке царя Атанагора. В борделе она сумела обвести вокруг пальца всех клиентов, в том числе и царя, чтобы сохранить свою девственность. Вместо своего тела она предлагала свое искусство и этим зарабатывала деньги.

После многих перипетий в эту страну приехал ее отец, царь Аполлоний. Он горевал и впал в отчаяние из-за утраты дочери, считая ее умершей. Чтобы утешить и развлечь его, к нему отправили Тарсию, чтобы она осветила мрак в его душе. Она загадывала ему загадки, сидела у него на коленях, нежно целовала его в губы и обвивала его тело руками, чтобы расшевелить его. Но царь отталкивал ее. Она пожаловалась на свою судьбу и рассказала царю свою историю. Он узнал в ней свою дочь и отдал ее в жены царю Атанагору. Тот взял ее в жены, потому что пощадил ее в борделе. А царю Аполлонию приснился сон, что его жена на самом деле жива и все так же прекрасна, как 18 лет назад. Рассказ завершается воссоединением супругов.

Ранк интерпретирует историю так, что Аполлоний – своего рода Антиох, который хоть напрямую и не злоупотребляет дочерью сам, но обладает ею как женой, ведь та оказывается в возрасте дочери. Рийнартс задается вопросом, почему бы в нашем патриархальном обществе не говорить о комплексе Антиоха, а не Эдипа.

Я привела эту историю в очень сильном сокращении, так как она нужна мне здесь только для того, чтобы исследовать некоторые мотивы, отражающие в образах легенды инце-

стуозные отношения между отцом и дочерью. В следующих главах станет ясно, насколько ключевыми являются эти мифы в душевных переживаниях сексуально эксплуатируемых женщин.

История начинается с того, что отец чувствует себя покинутым после смерти жены. Сказки тоже начинаются с инцестуозного желания отца, когда жена умирает, а дочка достигла брачного возраста. До этого дочь как будто не существует.

Аполлоний ведет себя таким же образом после 18 лет поисков своей дочери. В конце истории совершенно ясно, что на самом деле речь идет об обладании дочерью, которую он и заполучает в образе матери, такой же прекрасной, как и 18 лет назад.

В ходе истории все время присутствует завуалированный мотив – *желание обладать дочерью*. Царь Аполлоний и Атанагор, которые встретились в конце истории – это в действительности два образа одного и того же отца, мучающего свою дочь. Речь идет о паттерне замены стареющей жены молодой красивой дочерью, о стереотипе, отражающем современную патриархальную действительность. Мужчины озабочены тем, чтобы продлить утраченную молодость выбором младших, слабых и зависимых партнерш. При обсуждении инцеста с психодинамической точки зрения мы видим снова и снова, что дочь заменяет либо отсутствующую, либо эмоционально и сексуально отвергающую мать. Феминистские исследовательницы развенчали эту аргументацию как типичную тенденцию мужчин оправдывать себя.

Эта широко распространенная тенденция в сказках даже преувеличивается: для отца после смерти жены никто в целом царстве не может сравниться с ее красотой, кроме прекрасной дочери, невероятно похожей на мать.

«И когда она выросла, король увидел ее и вдруг с первого взгляда почувствовал, что полюбил ее пуще всех и решил жениться на ней».

До этого момента девушка может чувствовать себя неотраженной во взгляде ее отца. Она может заинтересовать его, только если он может воспринимать ее как потенциальную жену и любовницу, говоря языком сказок, когда ее золотой волос попадет ему в глаз. Тогда начинаются страдания девушки, которые в сказках часто означают бегство и Золушкину жизнь.

Отцы, у которых эмоциональная сторона их личности осталась недифференцированной, неразвитой, используют дочь для восполнения нехватки собственной женственности. Неспособность отца быть в отношениях с такой дочерью, какая она есть на самом деле, выражена в сказках тем, что отец часто путает ее с кем-то, не узнаёт. Оказавшись в беде, он заключает договор с чертом и, сам того не зная, предлагает ему свою дочь, а думает о яблоне, которая стоит за его домом. Как он использовал дерево, собирая с него урожай, так теперь использует для своих нужд дочь. Сказка указывает на психопатологию отца в сфере отношений.

Из Библии мы знаем, что Иеффай принес в жертву свою дочь, потому что перепутал ее с собакой. Перед войной с аммонитянами он просил Божьего благословения и дал обет, что пожертвует тем, кто первый встретится ему на пути домой. Это оказалась дочь, его единственный ребенок, который встречает его дома с музыкой. Иеффай вне себя от ярости и рвет на себе одежду. «Ах, дочь моя, какое страдание ты мне причиняешь, что я тебе должен сделать». Мы слишком хорошо знаем, как те, кто совершает инцест, делают козла отпущения из жертвы и сваливают на нее всю вину с помощью проекций. Жертвоприношение дочери ради удачи на войне или для удовлетворения похоти – очень древний мотив. Предательство женственности имеет глубокие корни.

В нашей легенде отец сексуально использует свою дочь. Он изнасиловал ее, овладел ею. В старинных традициях уже по словесным оборотам ясно, о чем идет речь при инцесте: в первую очередь, не о сексуальности, а о том, чтобы «овладеть», сделать ее своей.

Мы знаем, что типичная тема при инцесте – жажда владеть дочерью и желание удерживать ее при себе. Страх сепарации и неспособность отпустить описаны в профессиональной литературе как характерные для инцестуозных семей. Межличностные границы сильно размыты, так что в семье правит, прежде всего, симбиотическая модель отношений. И в этой истории отец не может отпустить дочь, не может открыть ей путь к женственности. Он ревниво следит за тем, чтобы он оставался единственным, кто может ею владеть.

Этот тема уже знакома нам из Библии. Например, Рагуил в Книге Товита (Товит, 7) – это образ амбивалентного отца. Озабоченный отец невесты ранее хотел своей дочери жениха, а теперь стал предусмотрительным могильщиком и роет им яму к брачной ночи.

«Между тем Рагуил, встав, пошел и выкопал могилу, говоря: не умер ли и этот? И пришел Рагуил в дом свой и сказал жене своей: пошли одну из служанок посмотреть, жив ли он; если нет, похороним его, и никто не будет знать».

В этой легенде показана двойственность образа отца. Не отец предстает плохим, и не он не желает никому отдавать свою любимую дочь. Его демонический аспект отщеплен и передан злему духу Асмодею, который семь раз убивает мужчин дочери. Кажется, будто невыносимо допустить существование зла в образе отца. В сказках образ отца также показан амбивалентным, причем зло отделено от отца. Девушка обязана черту своим бедственным положением. Поразительно, как часто черт представляет собой садистического отца.

Вспоминается сказка «Черт-учитель»:

«Жили-были мать и три дочери, и каждое утро мать отводила дочерей в школу. Их учителем был черт, и он влюбился в младшую дочь, но не мог найти способа, чтобы овладеть ею. Тогда он сделал ей стеклянный гроб и сонное кольцо. Однажды он схватил ее и надел ей на палец кольцо. Она сразу же уснула непробудным сном. Тогда дьявол положил ее в стеклянный гроб и бросил в море».

В этой сказке у матери, видимо, не было хороших отношений с мужчинами, раз она не могла отличить учителя от черта. Мы ничего не знаем об отце, возможно, это значит, что выросшая без отца девушка особенно уязвима и легко может попасть в лапы дьявола или может переживать встречу с мужским началом лишь как с дьявольским.

Здесь учителю вручена проекция отцовского архетипа, но он назван не «отец-учитель», а «черт». Такой учитель не помогает девушке развивать свои интеллектуальные способности, а напротив, он хочет владеть ею и отчуждать от мира. И речи нет о том, чтобы содействовать развитию ее автономной самости и освободить ее от привязанности к матери, напротив, все делается, чтобы ее подчинить себе. Он использовал девушку и поэтому стал чертом. В этой сказке я вижу типичную ситуацию сексуального насилия. Доверительные отношения ребенка с учителями, отцами и соседями использованы и превращены в угрозу целостности ее личности, ее эмоциональной зрелости и развитию Я. Девушка обманута; то, что выдавалось за духовное, на деле оказалось плотским.

Сон в стеклянном гробу является адекватным образом психологических последствий такого травматического опыта. Будто все эмоции должны быть заморожены; все инстинктивное отщеплено, потому что слишком опасно. Застывание психики в сноподобном состоянии – как защитный механизм, который оберегает Эго от всех травматических воспоминаний. Это сопоставимо со смертью в расцвете жизни. Сексуально эксплуатируемые женщины чувствуют себя изолированными от всего живого, существуют как под стеклянным колпаком, который делает все реальное нереальным.

Судьбоносность инцестуозного отцовского комплекса ярко показана во многих сказках.

Юнг пишет о демоническом влиянии отцовского образа в дальнейшей жизни:

«Если же мы хотим на деле увидеть демоническую силу судьбы, мы увидим ее здесь, в этой темной и тихой трагедии, которая медленно и мучительно совершается в больной душе

наших невротиков... Часто мы называем ее рукой Бога или дьявола и тем самым выталкиваем в бессознательное психологически важнейший фактор, а именно тот факт, что необходимость, формирующая жизнь нашей души, подобна автономной личности»⁵⁰.

В сказке «Девушка-безручка» у ее отца тоже есть дьявольские качества – одержимость злым духом. По христианским легендам мы также хорошо знакомы с обвинением черта в том, что он воплощает все незаконные и злонамеренные стремления.

Меня особенно впечатлило житие одной святой, в котором речь идет о Димпне и о котором я узнала по выразительной картине Г. Зегерса в галерее Шляйсхайм в Мюнхене. Согласно легенде, Димпна была дочерью языческого короля в Ирландии в VII в. Она тайно стала христианкой и после смерти матери сбежала в Бельгию, потому что «похотливый отец воспылил страстью к своей дочери», как сказано в церковных книгах. Однако в своей дикой страсти отец не оставлял ее в покое, преследовал ее и снова попытался завоевать ее хитростью и лестью, но она сопротивлялась. После того как она однажды снова отвергла его «неестественные притязания», он обезглавил ее. На одной из молитвенных стел в церкви св. Димпны в Геле близ Антверпена она изображена с мечом в правой руке, а к ее ногам прикован дьявол.

Чтобы преодолеть зло, нужно победить дьявола. Вся легенда построена по уже известной нам схеме. Мать умирает, и начинаются бедствия девушки. Умершую мать следует заменить юной дочерью. Отцовские попытки соблазнения напоминают то, что рассказывают о своем детстве молодые девушки, которые подверглись сексуальному насилию. Каждая из них была польщена тем, что являлась для отца самой любимой и красивой. Подарками, особым благоволением и деньгами отец пытался соблазнить свою дочь. Однако беспощадной правдой в этой легенде являются угрозы: «Если ты скажешь хоть слово, я тебя убью, если ты поступишь не по моей воле, я тебя убью». Здесь уже речь идет не об убийстве души, а о физическом уничтожении. Христианская доктрина учит, что лучше спасти душу, чем тело. Вот почему на картине Зегерса мы видим не страх и отчаяние, неизбежно переживаемые жертвами инцеста, а пребывающую в экстазе, глядящую в небеса Димпну, ожидающую удара мечом. В ярости отец схватил ее за волосы и замахнулся мечом, чтобы обезглавить. Примечательно, что эта святая считается покровительницей одержимых и душевнобольных.

Талмуд также знает демонов темной страсти, которых часто считают причиной истерии у женщин. Феномены одержимости, которые позже стали называть истерией, сослужили особую службу во времена инквизиции, когда нужно было замять случаи реального сексуального насилия. Ведьмам приписывали сексуальные оргии с инкубом, мужским демоном, который выискивал спящих девиц и монахинь, чтобы сексуально ими овладеть. Печально известный «Молот ведьм», написанный около 1487 г. двумя монахами-доминиканцами, считает судороги, корчи от боли и «разболтанность конечностей» доказательствами одержимости. Лишь намного позже были проведены исследования, доказавшие, что эти симптомы могут быть последствиями сексуальной эксплуатации. В Средние века рассказывали, что инкуб принимает вид духовного лица и в монастырях знали об «эпидемиях» визитов инкуба. У Иеронима мы можем прочесть историю о молодой женщине, которая звала на помощь, сопротивляясь инкубу, и ее друзья нашли его под ее кроватью в виде епископа Сильвана⁵¹. Хотя уже в Средние века врачи хорошо знали о сексуальном происхождении этого феномена, было намного легче осуждать женщин как ведьм, чем привлекать представителей церкви к ответственности.

Работа Джонса о верованиях в инкуба, которая появилась в серии книг, опубликованных при участии Фрейда, содержит много интересных аспектов этой темы, но в духе фрей-

⁵⁰ Jung C. G. Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // G. W. 4. S. 363.

⁵¹ Ср. с идеей Джонса о соотношении инкубов с кошмарами: Jones E. Der Alptraum. Leipzig, 1912.

довских идей соотносит эти симптомы в конечном итоге с «вытесненными мечтами женщин о половом акте, особенно с родителями»⁵². Я уже показала, насколько такая психоаналитическая интерпретация уводит нас от действительных страданий женщин, переживших эксплуатацию.

Теперь мы вернемся к легенде об Аполлонии, чтобы подробнее рассмотреть мотив ревнивого отца, который не хочет никому отдавать свою дочь и с помощью загадок пытается отвергнуть ее женихов. В истории прямо сказано, что царь Антиох злонамеренно хочет изгнать женихов дочери, чтобы самому наслаждаться спокойным владением ею.

В многочисленных более поздних вариантах этого мотива эгоцентричную установку отца в соответствии с его желанием уже не так легко распознать. Даже в сказках содержание подвергается процессу вытеснения. Выбор варианта зависел от собирателей и сказителей, и сегодня уже не секрет, что братьев Гримм обвиняют в «слишком вольном» обращении с текстами. В ходе моего собственного исследования литературы по сказкам меня всегда поражало, как мало было сделано психологических интерпретаций образа отца в сказках. Мы знаем, что такое в сказках мать, зло, женское, искупление, тень, ведьма, ребенок. «Отец» в заглавии сказки мне не встретился ни разу. Возможно, здесь срабатывает табу? Казалось бы, именно дочерям надо было бы постараться написать о своих отцах. Видимо, наше общество сильно затрудняет конфронтацию с личным образом отца, но подпитывает тоску по отцу архетипическому.

В легенде об Аполлонии отец задает такую загадку, чтобы каждый претендент потерпел неудачу. Этот широко распространенный мотив состоит в том, что отец вроде бы готов выпустить дочь из своих рук, но только при выполнении заведомо недостижимых требований. Примечательно то, как часто подлинные намерения отца завуалированы, в то время как на поверхности все это оправдывается желанием, чтобы жених оказался мудрым и разумно правил царством как достойный наследник отца.

Есть целая группа сказок по типу сказки «Черт с тремя золотыми волосками», дающая нам яркие примеры ревнивых отцов, которые не хотят принимать зятя. Самым коварным образом они пытаются уничтожить женихов. Поражает то, что в этих сказках абсолютно отсутствует реальное отношение к дочери. Никогда не идет речь ни о ее счастье, ни о важности ее собственных потребностей. На переднем плане всегда находится лишь удовлетворение потребностей отца, тот феномен, который мы обнаруживаем в любой сексуальной эксплуатации.

В сказке братьев Гримм «Ослиная Шкура» дочь ставит перед отцом сложные задачи, чтобы избежать его притязаний и отговорить отца от его намерения взять ее в жены. Но король исполняет все требования дочери. Ей остается единственное спасение – сбежать. Тема бегства от отца является очень распространенным сказочным мотивом. Ослиная Шкура может спастись от посягательств отца, только пройдя через долгий период изоляции от жизни. Она мажет себе лицо сажей, надевает на себя шкуру вместо платья и говорит о своей раненой самооценке: «Она годится лишь, чтобы подставлять свою голову под сапог».

Уход в Золушкино существование, чувство ничтожности и ощущение себя грязнейшей грязью хорошо известны в ходе психотерапии из рассказов женщин, переживших сексуальное использование. Часто эти женщины видят сновидения, что они стоят под душем, но никак не могут смыть грязь, в которой они испачканы. Связь сказки и реальности обнаруживается в мотиве сделать себя неузнаваемой, скрывать тело под мешковатой одеждой, расцарапать лицо и перестать быть для отца красивой и соблазнительной. Так происходит и в сказке «Дочь реусского короля»:

⁵² Ср.: Jones. Ibid. S. 34.

«Но как только дочь, наконец, узнала, что ей все же придется выйти замуж за отца, она отрезала себе волосы, сбросила свадебное платье, надела серую юбку и расцарапала себе лицо в кровь».

В другой сказке братьев Гримм молитва девушки богу, чтоб он сделал ее уродиной для отца и тот отстал от нее, не помогает, черт из мести за то, что он не может сделать девушку своей, расцарапывает ее лицо и так уродует, что отец теряет интерес к дочери («Собачонка»).

В связи с образом черта у меня возникает идея еще одного мотива, который присутствует в глубинных переживаниях девушек, которые подверглись сексуальной эксплуатации. Я имею в виду требование черта позволить ему взять себе ее глаза и отрезать ей язык, чтобы она не могла больше ничего видеть и сказать. Вся тематика инцеста стала известна обществу под девизом «Прервать молчание!». Однако отцы лишили дочерей глаз и языков много лет назад. Вот почему в группах самопомощи женщин, получивших сексуальные травмы, особое значение имеет процесс рассказывания, который переживается как катарсический и очищающий. То, что потонуло в бессознательном, должно снова стать осознанным, чтобы оно больше не мучило и не мешало, врываясь в сознательную жизнь. «Лучше умереть, чем сказать» является широко распространенным мотивом сказок и всегда поражает в нашей психологической практике в рамках темы инцеста. Однако сказка указывает также на выход из молчания, героиня сказки говорит, например, с печью. Девушки должны быть услышаны, ведь речь целительна и пролагает путь становлению сознания. Говоря языком сказок, это освобождение от проклятия, выход из эмоционального окаменения.

Наконец, я хочу подробнее рассмотреть сказку о наказании дочери за отвержение отца и о том, как может быть понят путь индивидуации женщины, которая освобождается от амбивалентного образа отца. У сказки братьев Гримм «Девушка-безручка» есть вариант, в котором говорится: «Отец захотел взять свою дочь в жены, а когда она отказалась, отрезал ей руки и груди, надел на нее белую рубашку и выгнал, чтобы она бродила по свету»⁵³. В своей практике я работала с этой сказкой по-разному, особенно когда сексуально использованные женщины страдали от сильных аллергических симптомов на коже рук или чувствовали себя «недееспособными».

Я хочу привести здесь полностью текст сказки, которая столь впечатляюще поднимает тему инцеста.

Девушка-безручка

Мельник мало-помалу впал в нищету, и у него не осталось ничего, кроме мельницы и большой яблони за ней. Однажды он пошел в лес по дрова, встретил там незнакомого старика, и тот сказал: «Что ты мучаешься с дровами, я сделаю тебя богатым, если ты отдашь мне то, что стоит за твоей мельницей». «Что там может быть, кроме яблони?» – подумал мельник и согласился, подписал обещание незнакомцу. Однако тот плумливо рассмеялся: «Я приду через три года и заберу то, что мне принадлежит». И пропал. Когда мельник вернулся домой, его встретила жена и спросила: «Скажи мне, мельник, откуда вдруг появилось богатство в нашем доме? Вдруг все ящики и сундуки стали полны, хоть никто ничего не приносил, и я не знаю, как это случилось». Он ответил: «Это все от незнакомца, которого я встретил в лесу, и он пообещал мне великое сокровище, а я обещал ему то, что стоит за мельницей – большую яблоню. Наверное, мы можем ее за это отдать». «Эх, ты! – сказала жена в ужасе. – Это был черт: он имел в виду не яблоню, а нашу дочь. Она стояла за мельницей и подметала двор».

Дочь мельника была красивой и благочестивой девушкой и прожила эти три года в страхе божием и без греха. И когда наступил день, когда злодей должен был прийти, она

⁵³ Ср. с примечаниями братьев Гримм к сказке № 31.

умылась начисто и начертила мелом вокруг себя круг. Черт явился поутру, но не смог к ней подойти. Он сердито сказал мельнику: «Сделай так, чтобы не было вокруг воды, чтоб не могла она умыться, а то нет у меня над ней власти». Мельник испугался и сделал это. На другое утро черт пришел снова. Она пролила слезы на руки, и они опять стали чистыми. Опять не мог он к ней прикоснуться и в ярости сказал мельнику: «Отруби ей руки, а то не могу я овладеть ею». Мельник в ужасе отвечал: «Как я могу отрубить руки своему ребенку!» Злодей стал ему угрожать: «Если ты не сделаешь этого, ты сам будешь в моей власти, я заберу тебя самого!» Отец испугался пуще прежнего и обещал повиноваться, подошел к девушке и сказал: «Дитя мое, если я тебе не отрублю обеих рук, черт заберет меня, в страхе я пообещал ему это. Помоги мне в моей беде и прости меня за все зло, что я причинил тебе». Она отвечала ему: «Дорогой отец, делай со мной что хочешь, я твое дитя». Опустила она вниз обе руки и позволила их отрубить. Черт пришел в третий раз, но она плакала так долго и так много на свои обрубки, что они были чистыми. И в третий раз он отступился, потеряв все права на нее.

А мельник ей говорит: «Через тебя я получил такое богатство, что я хочу тебе всю жизнь давать все самое лучшее». А она ответила: «Не могу я тут оставаться; я пойду куда глаза глядят, авось найдутся добрые люди и дадут мне то, что понадобится». Привязал он ей за спину отрубленные руки и наутро она отправилась она в путь. Она шла целый день, пока не стемнело. Она оказалась рядом с царским садом и увидела в лунном свете множество спелых плодов на деревьях, но не могла войти в него, потому что вокруг была вода. Ее мучил голод, ведь она шла так долго и за весь день не съела ни крошки, и она подумала: «Ах, была бы я в саду, я могла бы поесть плодов, а иначе придется мне голодать».

Встала она на колени, призвала Господа Бога и стала молиться. Вдруг появился ангел и сделал насыпь в воде, так что ров высох и она могла через него перейти. Она вошла в сад, и ангел был с ней. Она увидела дерево с плодами, но спелые груши на нем были посчитаны. Она подошла и съела ровно столько, чтоб утолить голод, не более того. Садовник видел ее, но раз с ней был ангел, он испугался и подумал, что дева – тоже дух, тихо стоял и не решился закричать или заговорить с духом. Съев грушу, она насытилась, пошла и спряталась в зарослях. Наутро царь пришел в сад, пересчитал груши, и одной не хватало. Он спросил садовника, что произошло, ведь груша не упала под дерево, а пропала. Садовник отвечал: «Этой ночью появился в саду дух без рук, и съел грушу прямо ртом с дерева». Царь спросил: «А как же дух перебрался через воду? И куда он делся после того как съел грушу?» Садовник сказал: «Явился некто в белоснежной одежде с небес, сделал насыпь и дух смог перебраться через ров. Это, наверное, был ангел, и мне было так страшно, что я не говорил с ним и не кричал. Когда дух съел грушу, он куда-то ушел». На это царь сказал: «Пусть было так, как ты сказал, но на эту ночь я буду стеречь сад с тобой».

Когда стемнело, царь пришел в сад со священником, который должен был заговорить с духом. Все трое сели под деревом стеречь его. В полночь девица выбралась из зарослей, подошла к дереву, и съела еще одну грушу с него прямо ртом, а рядом с ней стоял ангел в белом одеянии. Священник вышел вперед и сказал: «Пришел ли ты от Бога или от мира? Дух ты или человек?» Она отвечала: «Я не дух, а несчастная девушка, и все покинули меня, кроме Бога». Царь сказал: «Раз так, я тебя не выгоню». Он повел ее в царский дворец, а она была так красива и благочестива! Он полюбил ее всем сердцем, приделал ей серебряные руки и взял ее себе в жены.

Год спустя царь собрался в поход и поручил молодую царицу своей матери: «Как станет она рожать, позаботься о ней и береги ее, и сразу же пошли мне весть об этом». И вот она родила прекрасного сына. Старуха-мать сразу отправила ему гонца с хорошей вестью. Остановился гонец отдохнуть у ручья и от усталости заснул крепко-накрепко. Тут как тут явился черт, который вечно хотел навредить благочестивой царице, и подменил письмо. Когда царь

прочитал в письме, что царица родила чудовище, он ужаснулся, но написал в ответ, чтобы они заботились о царице до его возвращения. По пути назад гонец опять остановился отдохнуть в том же месте и заснул. Снова явился черт и подложил ему в карман другое письмо. Старуха мать пришла в ужас, когда прочитала, что она должна убить царицу и дитя, не могла в это поверить и снова написала царю. Теперь от него и вовсе не было никакого ответа, потому что черт все время подменял письма. В последнем был приказ прислать царю в доказательство язык и глаза царицы.

Старуха-мать сильно горевала, что прольется невинная кровь, и ночью взяла язык и глаза у убитой косули. Она сказала царице: «Я не стану убивать тебя, как велел царь, но тебе нельзя здесь больше оставаться: иди со своим ребенком куда-нибудь и никогда не возвращайся». Привязали ей ребенка за спину, и со слезами на глазах бедная женщина ушла прочь. Оказавшись в дремучем лесу, она упала на колени и стала молиться Богу. Явился ей ангел божий и привел ее к хижине, на которой была надпись: «Здесь все живут даром». Из нее вышла белоснежная дева, сказала: «Добро пожаловать, госпожа царица» и повела ее внутрь. Отвязала она малыша со спины и приложила его к груди, чтобы покормить его, а потом положила его в красивую колыбель. Бедная женщина спросила: «Откуда ты знаешь, что я была царицей?» Мудрая дева ответила: «Я же ангел, посланный тебе Богом, чтобы позаботиться о тебе и о ребенке». Так прожила она в этом месте семь лет в тепле и заботе, и по милости Божьей и по ее благочестию отросли у нее отрубленные руки заново.

Царь, наконец, вернулся из похода домой и сразу захотел увидеть жену и ребенка. Тогда его старуха-мать заплакала и сказала: «Ты, злодей, написал мне, что я должна лишить жизни двух невинных!» и показала ему два подмененных письма. «Я сделала все, как ты велел», – сказала она и показала ему язык и глаза. Зарыдал царь так сильно от горя за бедных его жену и сынишку, что пожалела его старуха-мать и сказала: «Так и быть, скажу тебе, что они все еще живы. Я тайне убила косулю и взяла у нее язык и глаза в доказательство, а твоей жене привязала ребенка за спину и велела ей уходить и никогда не возвращаться, чтоб уберечь ее от твоей ярости». Тогда царь сказал: «Пойду за ней хоть на край света, и не буду есть и пить, пока не найду мою дорогую жену и ребенка, если только не убило их время или голод».

Семь лет бродил царь по белу свету, искал ее в горах и пещерах, но не нашел и решил, что ее нет больше в живых. Он не ел и не пил все это время, но Бог его хранил. Наконец он дошел до дремучего леса и увидел там хижину, на которой была надпись: «Здесь все живут даром». Из нее вышла белая дева, взяла его за руку, повела внутрь и сказала: «Добро пожаловать, ваше величество!». Она спросила его, откуда он пришел. Он ответил: «Скоро будет семь лет, как я ищу, но не могу найти свою жену и ребенка». Ангельская дева угостила его, но он не стал есть и хотел лишь немного отдохнуть. Потом он прилег поспать и накрыл свое лицо платком.

А в это время ангельская дева вошла в комнату, где была царица с сыном, которого она обычно называла «Печаль моя», и сказала: «Выходи вместе с ребенком, твой супруг пришел». Подошла она к нему спящему, а платок упал с его лица. Она сказала: «Печаль моя, подними платок и накрой лицо отца своего». Мальчик так и сделал. Услышал это царь в полусне и нарочно еще раз уронил платок. Но мальчик нетерпеливо сказал: «Мамочка, как же я могу закрыть лицо своего отца, коли у меня его нет в этом мире? Я научился молитве „Отче наш, иже еси на небесех...“; а ты мне сказала, что мой отец на небесах, что это наш добрый Бог. Как же я могу знать, кто этот чужой человек? Он не мой отец». Когда царь услышал это, он поднялся и спросил ее, кто она. Она сказала: «Я твоя жена, а это сын твой – Печаль моя». Он увидел, что ее руки живые, и сказал: «У моей жены были серебряные руки». Она ответила ему, что руки по милости Бога отросли снова. Ангельская дева принесла из комнаты серебряные руки и показала ему. Тогда он убедился, что это его любимая жена и его дорогое дитя, и поцеловал их, и радостно сказал: «Тяжелый камень упал с моего сердца».

Они все вместе поели с ангелом Божиим и отправились домой к его старухе-матери. Все несказанно обрадовались, царь с царицей справили свадьбу еще раз и стали жить-поживать да добра наживать до конца своей жизни.

Эту сказку в целом толковали различным образом⁵⁴, а здесь я хотела бы выделить только те аспекты, которые типичны для эмоционального опыта женщин, переживших сексуальное насилие.

Сказка освещает проблемы дочери и ее отца, который ее использовал и эксплуатировал, чтобы удовлетворять свои потребности. Мельник принес в жертву свою дочь ради собственной выгоды. В сказке речь идет о жертвовании чем-то живым ради вещей. Пока он подчиняется черту и уродует свою дочь, он также разрушает свою душу. Но сказка фокусируется не на увечьях в душе мельника, не на исследовании значения инцеста, не на утрате души у злоупотребляющего отца, а на нарушении целостности пострадавшей дочери. Отрубленные руки символизируют полную потерю способности действовать. Женщины, которые подверглись сексуальному насилию со стороны своих отцов, ощущают себя подобным образом – искалеченными и немощными в своей способности принимать и понимать мир. К последствиям травмы сексуального насилия относится также чувство бессилия и изнеможения, неспособности влиять на свою судьбу.

В сказке отец подталкивает дочь к решению. Он просит о помощи в своей беде и перекладывает на нее весь груз ответственности за ее собственную судьбу. Это типичная тема инцестуозной семьи. Дочь рано вынуждена выйти из детской роли и поставлена в такое положение, которое ее одновременно перегружает и возвышает. Ей становится ясно, что счастье и горе отца и всей семьи зависит от того, отдается ли она ему. Отцы просят и умоляют, даже угрожают лишить себя жизни, если дочь его отвергнет. Ребенок бывает почти раздавлен виной и ответственностью, которую передает отец. Если девушка отказывается и избегает настояний отца, это приносит несчастье всей семье. Родные недовольны, а отец злится. Только когда девушка в сказке позволяет мельнику отрубить ей руки, появляется образ любящего и доброго отца. Юные девушки, которые подвергаются сексуальным домогательствам со стороны отца, находятся в аналогичной ситуации. Они лучше пожертвуют собой, но не образом доброго отца, лучше откажутся от собственной идентичности, чем реалистично воспримут отца.

Цепляясь за возможность сохранить образ любящего отца, девушки позволяют себя калечить, жертвуют собой. Вот и дочь мельника отказалась от собственных желаний и отдает всю себя, лишь бы спасти своего отца. Единственное, что она может сделать для отца, – стать безвольным предметом желания – девушкой без рук. Девушки, пережившие сексуальную эксплуатацию, знают, что они будут любимейшими дочерьми своего отца только при условии полного вытеснения собственных стремлений, подавления своих желаний и потребностей. Любовь отца может быть куплена лишь ценой потери собственной души.

Сказка поднимает вопрос о том, как дочь может жить дальше рядом с таким отцом. В сказке дочь уверена, что не может больше оставаться рядом с ним. Ее путь лежит в царский сад с деревьями, на которых много плодов, один из которых она съедает прямо ртом. В этом акценте на оральности, на регрессии к более ранней стадии развития, в которой рот играет важную роль, мы видим одно из типичных последствий сексуального насилия. Я имею в виду формирование зависимостей по отношению к еде. Девушка в сказке ест грушу с дерева, чтобы утолить свой голод, но «не более того». Она утоляет голод, однако чувственное наслаждение ей недоступно. Женщины, которые подверглись сексуальному насилию,

⁵⁴ Cp.: *Franz M.-L. von. Das Weibliche im Märchen. Stuttgart, 1980; Drewermann E., Neuhaus J. Das Mädchen ohne Hände. Ötten, 1983; Bittimger A. Auf dem Weg zur Ganzheit // Metanoia. Heft I. Nidelbad, 1983.*

часто имеют большие трудности с ограничениями и границами в связи с едой и часто формируют тяжелые расстройства пищевого поведения.

Вторая часть сказки посвящена отношениям героини с царем. Именно в сфере отношений возникает важнейший и даже роковой для жертвы инцеста вопрос: «Как мне освободиться от своего прошлого, как я смогу протянуть руку другому человеку ради возвышающей встречи, когда у меня нет рук, как я могу стать равноправной партнершей, если я ощущаю себя недееспособной и зависимой, ничтожной и бессильной?» В сказке царь выглядит как обратная сторона отца, он добрый и любящий, и он, наконец, обещает обеспечить ей защиту и безопасность, которые отец отнял у своей дочери. Наконец, молодая женщина встретила человека, на которого она может проецировать все лучшее и возвышенное. Видимо, то же самое происходит с травмированными женщинами, которые хотят вырваться из негативного отцовского мира и ищут человека, противоположного отцу во всем, чтобы исцелиться в отношениях с позитивным аспектом отцовского архетипа. Все же такой выбор слишком часто оказывается похожим на прошлое – блокирующим живое и запрещающим, как было с отцом, от которого она хотела сбежать. Зависимый паттерн трудно разрешим, как показывает и эта история. Хотя и есть у девушки в это время серебряные руки, но эти протезы не помогают ей достичь самостоятельности и подлинной свободы действий, а, напротив, сковывают ее еще больше чувством благодарности и вины.

В сказке говорится, что царь уезжает на войну. Его первоначальное обещание «Я тебя никогда не покину» нарушено как раз в то время, когда женщина особенно нуждается в его поддержке: она осталась одна во время родов. Поскольку общение между ними на самом деле не очень-то налажено, в сказке есть мотив дьявольской подмены писем. Мы узнаем в образе черта демонический аспект отца, который не осознан и все еще присутствует в отношениях и препятствует счастливому союзу.

Так же и отцы, сексуально использовавшие своих дочерей, в дальнейшем вмешиваются в их любовные отношения с другими мужчинами. На уровне наибольшей близости, в сфере эроса и сексуальности, прорываются непроработанные темы, связанные с отцом. Неуверенность в себе и затопляющее чувство, что она – не настоящая женщина, портят отношения женщины с ее партнером. Отношения с отцом проявляются в таком наследии, как вина и всепоглощающее чувство, что у нее все не так, как надо, и что она испорчена, греховна. Сексуальность часто переживается ею как нечто настолько конфликтное, что это угрожает браку. Нередко отчаяние женщины настолько велико, что становится опасным для ее жизни и приводит к самоубийству. В сказке девушка снова все теряет, оставляет все позади, чтобы спасти себя и своего ребенка. Этот ребенок, которого она называет «Печаль моя», является, прежде всего, ее раненым внутренним ребенком, к которому у нее должен появиться доступ, чтобы суметь его защитить по-настоящему. В сказке убито животное, и его язык и глаза послужили доказательством смерти девушки. Благодаря этому у девушки сохраняется способность видеть, узнавать и говорить. Толкуя эту сказку, Древерман указывает на очень важный момент при терапии женщин, подвергшихся насилию: «Очень важно, что в ходе нового кризиса у девушки все время есть чувство, что вообще-то она не виновата. „Девушка-безручка“ больше не согласна верить, что она во всем виновата, что только она одна всегда неправа, что все внутренние упреки справедливы. И теперь это чувство невинности в основе своей спасает ей жизнь»⁵⁵.

В терапии основной целью является помощь женщинам в освобождении от чувства вины, потому что вина связывает, безнадежно «приклеивает» их к событиям прошлого и держит их в рабстве. Из сказки мы также знаем, что это путь поиска себя; мы узнаем, как много значит для исцеления горевание и слезы. Прежде всего, мы слышим, что этот процесс

⁵⁵ Drewermann. Ibid. S. 38.

требует много времени. Семь лет молодая женщина одиноко живет со своим ребенком в лесу, пока ее руки не отрастают заново. Точно таким же длительным, утомительным и болезненным часто оказывается путь женщин в ходе терапии, возвращение из состояния потери души и насилия над ней к творчеству и новой жизни.

И в этой сказке, и в терапевтической работе с женщинами, которые имели подобные болезненные переживания, особенно важным является осознание того, что никакой другой человек не может спасти их от зависимости и привыкания, а напротив, целительно лишь то, что приходит изнутри к ней самой. В сказке это выражается в религиозном переживании божьей милости, в знании, что только Бог может исцелить то, что разрушил человек. Я глубоко убеждена, что духовное измерение жизни может стать поворотным моментом терапии, и оно делает возможным спасение раненого ребенка внутри нас. В юнговской психологии речь также идет, в конечном счете, о переживании самости как о цели индивидуации и образе человеческой целостности, ведь для Юнга самость является «вероятно, сосудом для божьей милости».

На этом я хотела бы завершить этот краткий обзор мифов и сказок. Может быть, из него стало ясно, что сексуальная эксплуатация – это не новомодное явление, а то, от чего всегда страдали девушки и женщины. Я не стану вдаваться в подробности многочисленных литературных примеров инцестуозных отношений отцов и дочерей, которым мы обязаны, например, Гоголю, Стендалю, Ибсену, Гауптману, Шницлеру и Бахману. Теперь для нас важнее обратиться к изучению последствий сексуального насилия в жизни пострадавших женщин.

4. Инцест как травма

Симптомы и последствия сексуальной эксплуатации

Существуют многочисленные источники, которые информируют нас о краткосрочных и отдаленных последствиях сексуального насилия. Прежде всего, это личные сообщения, полученные от самих жертв инцеста. С тех пор как в германском журнале «Бригитта» в 1982 г. была опубликована статья Алисы Миллер «Дочери больше не молчат», становится все больше и больше женщин, которые осмеливаются говорить о сексуальном насилии, особенно о насилии в замкнутом семейном кругу. Из шокирующего потока писем от читателей нам стало ясно, насколько глубоко переживания насилия. Кроме того, было издано немало книг, в которых травма инцеста показана с точки зрения пострадавших во всей полноте ее влияния на самооценку и сексуальность, на отношения с собственным телом и с другими людьми. Контактируя со средствами массовой информации, группы самопомощи внесли большой вклад в столь необходимую нам гласность по этому вопросу и донесли до общественного сознания масштаб этих страданий.

Кроме того, по этому вопросу проводились научные исследования. К настоящему времени в Америке завершены отличные эмпирические исследования симптомов и последствий сексуальных посягательств. В отличие от предыдущих исследований изучались не только задокументированные случаи эксплуатации, но также были охвачены неклинические слои популяции, например, студенты колледжей. Это позволило развенчать старые мифы, что инцестуозные отношения в основном случаются в «социальных низах»⁵⁶. Аналогично старые аргументы исследований по теме инцеста о том, что, например, плохие жилищные условия являются способствующим фактором инцеста, оказались неверными. Неправильно очерчивать тему сексуальной эксплуатации как проблему обездоленных слоев общества. Часто утверждают, что злоупотребления связаны с аномальной силой влечений преступников, но это не так.

Было бы вполне уместно обсуждать здесь методологическую сомнительность некоторых исследований, ведь, изучая именно инцест, мы снова и снова наталкиваемся на то, как мало нам говорят статистические данные. Но поскольку в этой книге речь идет не о надежности научных данных, я не хотела бы отвлекаться на эти соображения.

Наряду с самоотчетами пострадавших женщин, тщательным изучением научной литературы, обменом информацией с коллегами, исследовательских визитов в Европу и США наиболее поучительной для меня была терапевтическая работа с жертвами инцеста. Практический опыт снова и снова становился для меня вызовом, требовал отказаться от интеллектуальной дистанцированности от этой темы и по-настоящему эмоционально задевал меня. При встрече лицом к лицу с физическим и психологическим насилием всегда обнаруживалась моя собственная живая взаимосвязь с этой темой. Погружение в темную, теневую сторону женственности и мужественности учило меня совсем не тому, что дал мне университет.

Я работаю только со взрослыми, поэтому мой опыт опирается на анализ и терапию женщин, которые подверглись сексуальному насилию в детстве, а также на работу с несколькими мужчинами, ставшими жертвами сексуальной эксплуатации. Вот почему я помещаю в центр внимания последствия, которые проявляются у взрослой женщины. Однако я начну с краткого описания физического и психического ущерба для детей. К ним относятся:

⁵⁶ Maisch H. Inzest. Reinbek, 1968. S. 83.

Физические симптомы

Травмы половых органов
Гематомы (синяки) в области живота
Боль при мочеиспускании
Боли в области половых органов
Кровотечения, видимые раны влагалища или анальной области (трещины, следы укусов)
Зуд, необычный запах в области половых органов
Трудности сидеть или ходить
Инородные предметы в уретре, мочевом пузыре, влагалище, анусе
Инфекции мочевыводящих путей
Признаки венерических заболеваний

Психосоматические симптомы

Недержание мочи, недержание кала
Боли внизу живота
Приступы головокружения
Головные боли
Расстройства аппетита
Нарушения сна
Приступы удушья
Конверсионные симптомы (параличи, внезапная немота)

Психологические симптомы

Неуверенность, страхи
Отстраненность от сверстников
Озабоченность сексуальностью
Чрезмерная мастурбация
Заметное использование в речи сексуальных выражений
Снижение активности и рассеянность
Отказ оставаться в одиночестве
Сонливость, покорность
Утрата доверия себе и другим
Саморазрушительное поведение
Возврат к поведению, как у малышей

Такого рода списки симптомов теперь можно прочесть в различных информационных брошюрах по теме сексуального насилия над детьми. Также были составлены памятки социально-терапевтической направленности для широкой публики и для пострадавших детей и юношества, описывающие спектр симптомов в более непринужденной манере. Я хочу процитировать здесь для примера то, что было сделано в консультационном центре в Берлине «Ребенок в центре»:

«Аня – такая же, как многие другие девочки ее возраста. Она хочет играть, как все, быть веселой, а также грустной, она хочет, чтоб ее любили и уважали, она хочет быть хорошей подругой. Но часто она бывает такой, какой не хочет быть, очень задумчивой, закрытой, отстраненной, а потом вдруг суетливой, взвинченной и вредной. Она думает, что она не такая, как все другие девочки, Что совсем не такая. Ведь есть кое-что, что мучает ее и что не оставляет ее в покое...

И Миша думает, что он один делает то, Что другие мальчики не делают... И теперь Миша думает, что другие как-то могут заметить это. Вот почему он считает, что должен особенно показывать, что он во всем такой же, как другие мальчики. Он думает, что должен быть очень шумным и мужественным, Чтобы перекрыть неподвластную ему и бессильную ярость...»

Здесь на простом языке и на уровне ребенка сделана попытка развеять опасения по поводу реакции представителей учреждений и описать, чего можно от них ожидать.

«А ты похож чем-то на Мишу или Аню? Или ты знаешь ребенка, который так себя ведет? Хочешь поговорить об этом с кем-то? Нужен тебе кто-то, кто тебя выслушает и поверит, кому ты сможешь доверить свой секрет, и он тебе поможет?»

Обесценивание ущерба от инцеста

Это кажется невероятным, но и сегодня по-прежнему слышны мнения, что инцест сильно не вредит; что у здорового ребенка достаточно душевных сил, чтобы преодолеть опыт эксплуатации. Или мы слышим, что лучше бы не касаться такого раннего опыта, ведь «время лечит любые раны», даже ужаснейшие впечатления скоро уходят в прошлое.

То, что в такой позиции выдается за желание избавить ребенка от ненужных волнений, на деле часто оказывается собственной неспособностью иметь дело с проблемой сексуальной эксплуатации и проблемами семейного насилия. Естественный ход развития заблокирован в самой своей сердцевине, если ребенка сексуально эксплуатируют, а он не может рассчитывать на помощь, застывая в безмолвии и уязвимости. Мы встречаемся с замершим тихоней, существующим внутри взрослой женщины в терапии. Контакт с таким внутренним ребенком становится предметом моей особой заботы в ходе психологической работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.